

ISSN 0869—4788

10
СЕНТЯБРЬ
102РА

9.92

фото Л. Березницкого

Югра № 9 (11), сентябрь 1992 г.

Издается
с сентября 1991 г.
Выходит один раз в месяц

Историко-культурный журнал.
Учредители — администрация
Ханты-Мансийского автоном-
ного округа и нефтяная ак-
ционерная компания «Аки-
Отыр».

Редакционная коллегия:

В. К. Белобородов

(Редактор)

Н. И. Коняев (ответст-
венный секретарь),

Л. В. Луцай

Т. А. Молданова

Технический редактор,

Н. Б. Баталова

Адрес редакции: 626200,
г. Ханты-Мансийск, ул.
К. Маркса, 14.

Телефон редакции 4-12-25.

Журналы в любом количест-
ве можно приобрести в ре-
дакции.

Подписаться на журнал мож-
но с любого номера в
местном узле связи. О случа-
ях отказа в оформлении
подписки просим сообщать
в редакцию.

Сдано в набор 03.09.92. Под-
писано в печать 05.10.92.
Формат 60x84 /16. Бумага га-
зетная. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 3,74. Уч. изд. л. 4,48.
Тираж 2400. Заказ № 2236.
Цена 3 р. 50 к.

Отпечатано в Шадринской
типографии п/о «Исеть»
управления печати и массо-
вой информации админист-
рации Курганской области.
641800, г. Шадринск, ул.
Спартака, 6.

В номере:

- К. Лоренц. Восемь смертных грехов
цивилизованного человечества 2
- Е. Немысова, Р. Ракитина, З. Лебединка.
Школа, которая будет? 3
- Е. Грошева. Не призывом, а делом 6
- С. Кропотков. Сакральный первообраз
мира 7
- Г. Райшев, В. Константинов.
Подвижный миргармонии 9
- Совесть (Из этического словаря
прошлого века) 12
- А. Корнеев. Перед выбором.
Н. Новикова. «...И принеси дар твой» . 13
- В. Лазарева. Магический пояс 14
- Ю. Белоножко. Из истории опытов
свеклосеяния и сахароварения
в Сибири 16
- Н. Чесноков. Соболь 19
- А. Кузнецов. Отъезд на весновку 22
- Л. Азадовская. Крестьянин
села Самарова 23
- Х. Лопарев. Самарово 27
- Ю. Прибыльский. Сибиряки
против Наполеона 35
- Г. А. Мачтет. Мы победили 40
- В. Шабуров. Из поэмы «Ангелы» 41
- И. Каскин. У родного Чугаса. 42
- А. Горустович. На трассе «Аэропорт—
промбаза». Рассказ 47
- Т. Молданова. Орнаменты «Крест»,
«Оленьи рога» и другие 51
- Говорите по-мансийски 53
- А. Шепелев. Дачная мастерская 55
- М. Заплатин. Тапсватпауль:
зимние дни 56
- Ю. Гордеев. Серая ворона 62

ШКОЛА, КОТОРАЯ БУДЕТ?

Разговоры о необходимости создания принципиально новых национальных школ в Ханты-Мансийском автономном округе ведутся уже не первый год. Ни для кого не является секретом, что в обычных общеобразовательных школах преподаватели не всегда учитывают психологические особенности детей ханты и манси, и в результате эти ученики плохо усваивают учебный материал, в большинстве своем не только не получают среднего образования, но в отрыве от семьи, традиционного уклада жизни, привычного окружения теряют интерес к родному языку, искусству, культуре, забывают многовековые традиции и обычаи предков.

Времена меняются. Сегодня работники народного образования округа от размышлений над проблемой создания концепции регионального образования переходят к практическим действиям. В чем их суть? С этим вопросом журналист Н. Нялинский обратился к работникам народного образования автономного округа.

* * *

Евдокия Андреевна Немысова — директор научно-исследовательского института социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа, кандидат педагогических наук:

— После довольно-таки продолжительных сомнений, размышлений в ходе организационно-деятельных игр среди работников народного образования города и округа мы пришли к идее создания культурно-антропологической школы. В чем ее отличие от обычной общеобразовательной? Это — своеобразное учебное заведение, в котором учащиеся наряду с предметами общеобразовательного школьного цикла изучают родной язык, знакомятся с искусством и культурой своего народа, вникают в сущность и смысл традиций и обычаев предков. Задача педагогов — воспитать детей в духе любви и уважения к национальным корням, национальным особенностям, а ведь известно, что сегодня многие дети ханты и манси стесняются своей национальности; сохранить и развить лучшие качества национального характера. К таким качествам я отношу в первую очередь трудолюбие, привязанность к родным местам и любовь к детям. Эти качества воспитывались в народе на протяжении веков. Без ежедневного труда человеку на Севере не выжить. Привязанность к родным местам, объясняется, по-видимому, тем, что земля предков была досконально изучена. Вынужденный переезд на малознакомое место для ханты и манси трагедия. Жаль, что этого до сих пор не понимают нефтяники, с легкостью необыкновенной предлагающие аборигенам переезд с мест, запланированных под промышленное освоение... Любовь к детям сталкивается с необходимостью родителей отдавать своих малолетних детей в школы-интернаты, где и происходит постепенное нивелирование их в общей массе учеников...

Все это и привело нас к мысли о школе, в которой дети не только не забывали бы, но и углубляли свои знания народных промыслов,

ремесел, языка, музыки, фольклора, танцев, песенного искусства — очень, между прочим, своеобразного. Такой и задумана во многом экспериментальная Казымская культурно-антропологическая школа в Белоярском районе, которую возглавила энтузиаст своего дела педагог Кравченко Ольга Александровна.

Почему именно в Казыме? Казым — поселок многонациональный. Здесь вместе живут ханты, манси, ненцы, коми, зыряне, русские... Мы решили создать несколько групп по национальному признаку: коми-зырянскую, хантыйскую, ненецкую, русскую. Первая ступень школы — родовая, где обучаются дети от 2—3-х до 10—11-ти лет. В этом возрасте каждая национальная группа проходит этап так называемого семейно-традиционного воспитания. Как это будет выглядеть на деле?

Смешанные группы (мальчики и девочки) в количестве 3—6 человек под руководством опытных воспитательниц какое-то время находятся в семьях коренных жителей села — бабушек и дедушек, народных мастериц, рыбаков и охотников (а ведь в основном они и являются носителями подлинной национальной культуры). С такими семьями мы могли бы заранее договориться, и, что называется, «расписать роли». Дети имели бы возможность воочию увидеть, как, к примеру, в хантыйской (коми-зырянской, русской, ненецкой и т. д.) семье изготавливают предметы домашнего обихода, готовятся к охотничьему сезону, шьют одежду, чем в определенные периоды года, месяца, недели заняты мужчины, женщины, старики, дети. В семьях же ученики могли бы услышать в живом непринужденном исполнении, которого не заменит никакая мастерская запись, национальную песню, сказку, легенду...

Мы отдаем себе отчет, насколько сложно осуществить задуманное на практике. Для этого необходимы хорошие условия проживания семей, их заинтересованность в деле обучения и воспитания детей. Многие предстоит еще додумать, многое сделать...

Когда дети пройдут дошкольный период семейно-традиционного воспитания, они поступают в 1-й класс. Но родовая школа продолжается. Пусть это будет внеклассно-урочная система или что-то другое. Главная задача теперь заключается в том, чтобы ребенок усвоил родной язык, научился правильно произносить звуки родной речи (а это тоже очень непросто!), конструировать простые предложения. Причем не столько на уроках, сколько и главным образом в процессе игр, непосредственного общения с носителями языка.

С окончанием начальной школы заканчивается и первая ступень родовой. Вторую ступень я бы назвала «школой общения» или «диалогом культур». Теперь, когда дети знают язык, знакомы со своими культурами, народными традициями, они опять-таки в процессе непосредственного общения начинают обмениваться знаниями, вопросы языка и культур становятся предметом осмысления и заинтересованного обсуждения. А это очень важно.

Раиса Федоровна Ракитина — заместитель начальника главного управления образования администрации Ханты-Мансийского автономного округа:

— В культурно-антропологической школе появляется новое содержание образования, формируется новое содержание всей учебной деятельности. Если в обычной школе учителя давали ученикам только информацию, которую ребенок в лучшем случае мог пересказать, то в новой школе ребенка будут учить учиться, то есть защищать свою версию по поводу изучаемого материала.

Если на первой ступени родовой школы идет процесс «проживания» знаний в отличие от получения информации, то на второй ступени — процесс «осмысления» знаний. Простой пример. Можно дать информацию: «в семье ханты уважительно относятся к гостям». Ребенку не составит особого труда запомнить эту информацию. Но другое дело, когда он эту же информацию «проживет», то есть увидит и прочувствует, как именно «уважительно» относятся в семье хантов к гостям. Вариантов таких ситуаций можно при-

думать множество. Можно и нужно их проигрывать таким образом, чтобы учитель был помощником ученика, а ученик — помощником учителя. Вот почему новой школе необходимы опытные педагоги, воспитатели, мастера, бабушки и дедушки, методологи... Методолог создает ситуацию, и совместными усилиями организуется исследовательская деятельность педагогов и учеников по определенному направлению. У нас уже созданы программы двух проектов — исторического и литературного, рассчитанные на серьезную научную работу...

Основы физики, химии, математики, по нашим предположениям, могли бы дать такие предметы, как «Знания», «Задачи и проблемы», «Знак», которые также в принципе разработаны. Есть опытно-экспериментальный колледж в Москве, где аналогичные предметы уже ведутся. Ребята из 11-го класса проучились по ним всего год, но результаты превзошли ожидания: все желающие успешно выдержали экзамены в МГУ, был отмечен необычайно высокий уровень знаний выпускников колледжа. Это стало возможным во многом потому, что ученикам давали общие подходы к получению знаний, а не напичкивали информацией. Поэтому культурно-антропологической школе нужны не узкие специалисты, а люди разносторонне образованные — инженеры, юристы, педагоги, врачи, литераторы, — необходимы новые учебники, создавать которые, по-видимому, придется самим, так как аналогов нет. В настоящее время лишь группа молодых ученых из Московского независимого методологического университета под руководством Юрия Вячеславовича Громыко сделала прорыв в этой области. Мы руководствуемся их разработками, планируем создать в округе систему совместной работы специалистов по культуре, народному образованию, здравоохранению...

Таким образом, в Казыме задуман центр новой педагогики округа. И наши идеи нашли поддержку на самых разных уровнях. Окружная администрация и комитет по делам народов Севера не отказывают в финансировании. Нашли мы единомышленников и в Белоярской районной администрации, и в Казымском поселковом Совете. Есть, конечно, сомневающиеся, есть скептики. Есть просто недопонимающие новых подходов в образовании. Но нет откровенных противников школы.

Зинаида Аркадьевна Лебекина — заместитель заведующего отделом по делам семьи, материнства и детства окружной администрации:

— Я много лет проработала в Институте усовершенствования учителей в должности заведующего кабинетом воспитательной работы и теперь с большим интересом участвую в становлении нового учебного заведения. В культурно-антропологической школе меня заинтересовал прежде всего так называемый «средовый» подход. Школа задумана не как замкнутый участок в пределах населенного пункта, а как часть именно национального поселка, имеющая непосредственное соприкосновение по существу со всеми сферами жизни Казыма. И как новое образовательное заведение школа должна дать толчок мышлению в части выстраивания новых социальных отношений. Я вижу прямое и взаимообогащающее общение детей школы через краеведческий музей, через совхоз, звероферму, взрослое население и — во всех сферах: бытовой, хозяйственной, культурной... Связи культурно-антропологической школы со всем социальным окружением, безусловно, предстоит еще разрабатывать. В новой школе каждый работник возьмет ответственность за обучение и воспитание детей на себя, поэтому здесь не будет и не может быть каких-либо типовых методичек. Еще одна особенность: если мы сейчас работаем в режиме выживания семьи и национальной культуры, то в будущем предстоит работать в режиме развития. Это ко многому обязывает. Поэтому педагогам нужны опыт и специальные знания. Лично я собираюсь поработать некоторое время в научно-исследовательском институте этнологии и этнографии для того, чтобы чувствовать себя более подготовленной к работе в новой школе.

Не призывом, а делом.

Какой может быть культура на поле боя? А ведь на территории нашего округа вот уже почти тридцать лет продолжается даже не «битва за нефть», как мы велеречиво выражаемся, а натуральное мародерство, разномасштабный (и государственный, и ведомственный, и единичный) разбой.

Единственное, чем, по моему мнению, мы можем гордиться и на что надеяться, — это отсутствие национальной вражды в наших «вавилонях». Мы все оказались тут на равных основаниях — кто в проживалах, кто в обслуге, вокруг не нам принадлежащего государственного пирога. Многие попали сюда не по своей воле, а в результате великого переселения народов в сталинские времена. Другие приехали на заработки — тоже не от хорошей жизни. Зато все эти невеселые обстоятельства заставили нас терпимо относиться друг к другу, привыкать, притираться.

Национал-патриоты считают ассимиляцию бедствием, почти равным физическому уничтожению народа, смертью его культуры. Действительно, забываются традиции, языки. Но ведь одновременно создается новая культура, вбирающая в себя самое жизнестойкое из прежнего, умирающего. Та же эволюция, что в природе. По-моему, совсем не плохо повторить путь США, Австралии — эти государства тоже созданы переселенцами разных национальностей.

Но есть серьезное различие. Туда люди приезжали в поисках свободы и самостоятельности и действительно становились хозяевами своей судьбы. А мы живем зависимо и только гадаем о том, что и кем будет нам позволено.

Так вот, если нам позволят стать хозяевами, то те, кто останутся жить здесь, наверное, уже не станут грабить свою землю и самих себя, а захотят жить хорошо. Тогда культура станет общей потребностью и можно будет говорить о культурном развитии и его целях. Пока — только о сохранении культуры.

Это тоже очень непростая задача. Ведь сегодня мы не только за нефть боремся, но еще и «за права», и просто за существование, за спускаемые понемножку откуда-то сверху «блага». Носителям культуры — ох, как неспособно с таким грузом поспевать да разворачиваться в этих боях! Они постоянно в проигрыше, пока эту культуру на себе тащат. Сбросят — пропадай, культура. Не сбросят — могут и сами вместе с ней пропасть. Для окружающих — наглядный пример того, как не надо жить.

Выход для себя лично вижу в одном: уйти от всех этих баталий. Даже от тех, которые «за права». Все равно победы добьются более сильные, ловкие. Я же могу только призывать жить по совести. Но таких призывов звучало уже предостаточно, когда-то надо переходить к делу. Мне кажется, что первый шаг я сделала, когда простилась с жур-налистикой, и приняла в свою семью детей, жалеть которых издали было гораздо легче. Теперь пытаюсь так организовать жизнь, чтобы ни от кого не зависеть и не жалеть собственную семью, а, напротив, в соответствии со своими убеждениями о назначении культуры и долге ее «носителей», стать «живым примером, призывом гордым к свободе, свету». В настоящих условиях для этого, видимо, придется переезжать в деревню заводить натуральное хозяйство и при этом не растерять связей с миром и людьми культуры, остающимися пока в городах.

Предлагать всей интеллигенции округа вернуться в идеям народничества я не собираюсь. Каждый сам выбирает, кем быть и как жить. Но всем надо помнить, что свет культуры мы храним не только для внутреннего пользования. Он обязательно должен быть передан дальше.

Е. Грошева,
г. Урай.

САКРАЛЬНЫЙ ПЕРВООБРАЗ МИРА

С. Кропотов, кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики и культуры Уральского университета.

Давно уже не редкостью стало для художников XX века обращение к фольклорной традиции, освоению изобразительных примитивов и архаических мифов с целью непосредственного приобщения к бытию как мощному источнику самоговорящих смыслов и жизненной энергии. Казалось бы, бесконечная эксплуатация экзотических «энергоносителей» давно должна была бы лишить их почти гипнотического воздействия. В чем же секрет завораживающей силы, исходящей от картин Геннадия Райшева? Прежде всего в его способности видеть и выразить сакральный первообраз мира, подлинные сущности вещей. Подразумеваю здесь не что-то мистическое, но интенсивность ощущения художником глубинной связанности всех предметов и персонажей, органического единства человека и природы. В этом чувстве духовной целостности мира и обнаруживается уникальность художника.

Райшев мыслит не просто метафорическими образами, улавливая сходство несхожего, обнаруживая взаимопричастность распавшегося, отъединенного: мужчины из родного хантыйского села на Салыме, весла и вселенского дерева, соединяющего небо и землю, шайтана и мачты линии электропередач, охотника, стреляющего в утку, и последнего луча солнца над бором. Мифологически превращаются в природную реальность воды, болотных кочек, лодки, земли, ягоды-морошки или куста черемухи и хантыйские женщины. А вот почти библейский образ: громадной тучей нависший над берегом с кучкой провожающих «Пароход «Пономарев», весь до отказа забитый людьми, увозящий их на войну, в лагеря — бог весть куда — трансформируется художником в чудовищного Левиафана, проглотившего пророка Иону, да еще многих, многих...

Ну, и конечно, Русь — зимняя тройка — у Райшева эта банальная метафора как сопоставление дистантных сущностей оборачивается не сравнением, а метаморфозой тройки в белых кентавресс с изогнутыми дугой, шеями, гривами. Это образ «женской» души России, ее природной укорененности, несокрушимо могущественной и радостно неистребимой души этноса, проступающего сквозь все преходящие цивилизационные оболочки естественности. Но вот уже и тройка пропала, а остался один образ — архетип русского национального характера — дуга как разомкнутый в бесконечность круг, незавершенная и несовершенная сфера. Всплывает в памяти привычная русская надежда — «кривая вынесет, прямая топит...». Дуга является и радугой «божьего завета», но одновременно и хомутом, и коромыслом, и даже прядью волос румяной «Бабы-зимы». Она же присутствует в гигантской раскаленной параболе, раскинувшейся по безбрежным снегам российского пространства в картине «Под красной дугой».

Постепенно философское сознание художника восходит от мысли о цельном

человеке, живущем в пространстве мира среди процессов природы, к самой организации пространства как закономерного гармонического целого, пульсирующего своим собственным ритмом. Природа выступает «законодателем» художественного языка Райшева, а ее динамика, цикличность и пластическая сила находят свой голос в его творчестве. Граница между человеком и пространством преодолевается за счет волновой энергии персонажей, которые окружены слоями контуров, словно расходящимися по воде кругами. Снимается противопоставление человеческой фигуры и фона, поскольку картина строится как движение героя внутри пространства: линейные ритмы, цветовые поля понижают человека, а отдельная фигура или предмет трактуется подобно кванту в едином мощном волновом потоке или как музыкальная тема.

Образ музыки мира открывает нам сокровенный смысл действительности, ее структуру, гармонию, закономерное строение, придает предметам сакральный смысл, погружает непосредственно, пользуясь словами Ф. Ницше, «в ядро или сердце вещей». Происходит это благодаря перемене точки отсчета — от эгоцентрической — к той, которая позволяет ощутить себя участником «танца жизни», чувствующим ее музыкальный ритм, смотрящим, живущим и творящим по ее меркам. Гармония возникает тогда, когда есть ощущение единства форм, цвета и смысла на уровне бытия, внутренней первоосновы мира.

В картинах Райшева гармония достигается за счет тщательного отбора художественных средств, некоторого самоограничения, простоты членения форм, цветов, тонов — он стремится к малой кратности различения — не более двух контрастов. Но из этой сосредоточенности на минимальном возникает осознание бездонности и глубины первооснов жизни.

Есть и еще один источник устойчивости и просветленности авторского духовного мира — нескованность границами индивидуалистического самосознания. Полагание себя частью бесконечного, непрерывного, большого мира ведет

художника от самоценности визуального мыслительного образа к соединению картин в серии, к возрождению сплошной шпалерной развески (как в 18 веке), где полотна разделены узкими рамками, или как тябла-ряды в иконостасе. За этим стоит особое мироотношение, родственное русской иконописи: отдельное полотно не исчерпывает всей протяженности, безграничности и многослойности бытия. Художник объединяет свои картины в метасистемы, делая их соразмерными полифонической жизни природы, полиморфной, симфонической музыке жизни. Плоскость условного художественного пространства становится бесконечной, а каждая картина — дискретным кадром, репрезентирующим целое.

Такой глобальный, процессуально-динамический подход сохраняется Райшевым в наиболее монументальном и символическом полотне — «Югорской легенде». Человек или этнос — это звенья в цепи бесконечно повторяющихся смертей и рождений, последовательно и непрерывно чередующихся слоев и циклов бытия. В этом ряду и реальные люди, и их предки, и мифические духи — лунги, все вместе образующие «первичный холм творения».

Но земная сфера или сотворенная твердь создается не чудом и вмиг «по декрету» над нашими бездонными хлябями, а по крупице, которую раз за разом привносит каждое поколение. Как в той хантыйской легенде про гагару: много раз надо нырять за крупицей земли на дно океана, и добывать ее ценой своей жизни.

На фотографиях:

1) Г. С. Райшев. Портрет Саши Зыкова. Лемпино. 1952. Бумага, графитный карандаш. Лист из старого альбома. Публикуется впервые. Архив Г. В. Голынец.

2) Г. С. Райшев. Автопортрет. Сургутский интернат. 1954. Бумага, графитный карандаш. Лист из старого альбома. Публикуется впервые. Архив Г. В. Голынец.

ПОДВИЖНЫЙ МИР ГАРМОНИИ

В изданном в 1991 г. в Свердловске альбоме репродукций живописных и графических произведений Г. Райшева «Хантыйские легенды» в статье самого художника, озаглавленной «В картине должна быть тайна», он сформулировал выводы из своих многолетних размышлений о различии понятий «творчество» и «искусство», полагая, что слово «искусство» неоправданно наделили всеми смысловыми признаками слова «творчество». Вот эти максимы:

Творчество свободно.

Искусство зависимо.

Творчество самодетельно («сам делаю»)

Искусство профессионально.

Творчество опирается на интуицию, на данное человеку от природы.

Искусство — на выработанные человечеством знания.

Творчество всегда индивидуально.

Искусство коллективно.

Творчество биологично.

Искусство социально.

Творчество не должно оцениваться, оно присуще человеку как его внешность.

Искусство оценивается.

Творчество демократично, доступно.

Искусство социально-избирательно.

*Творчеству обучить невозможно.
Творчеству достаточно не мешать.
Творчеству чужд дух конкуренции.
В творчестве все самоценны.
В творчестве познаем гармонию.*

*Искусству можно обучать.
Искусство нуждается в поощрении.
Искусство всегда конкурентно.
В искусстве есть «генералы».
В искусстве создаем красоту.
Красота — частный случай гармонии.*

*Результаты творчества и искусства
не могут быть сопоставимы.*

*В основе творчества лежит мышление. В основе искусства — умение, ремесло.
Творящий — создающий. Искусный — умеющий.*

Редакция попросила художника прокомментировать эти его выводы и журналист В. Константинов взял у него интервью.

— Искусство как понятие вас не удовлетворило, вы считаете, что оно далеко не тождественно творчеству и слово это неточно употребляется?

— Да. В статье я обозначил их противоположность, оговорившись, что, возможно, это спорные мысли. Сейчас хочу сказать, что для меня они бесспорны, но я бы уточнил, что под словом «искусство» понимают ремесло, умение. Вот говорят: это высокое искусство, а это невысокое. Потом начинают говорить о вкусе — возникают нюансы, начинается очень сложная дискуссия. Чтобы этого не было, надо более четко определить сам предмет.

— Творчество и ремесло все равно одним словом выразить невозможно, потому что это по содержанию, совершенно разные вещи?

— Вот в связи с этим я и написал: «Творчеству обучить невозможно. Искусству можно обучить». То есть можно любого научить ремеслу, мастерству, привить умение, т. к. все это опирается на знание, на определенные приемы. А творчеству действительно научить нельзя, поскольку это явление связано с генетическим аппаратом, с тем, что заложено предками и побуждает творить изнутри, а не извне. Отсюда вытекает и другая особенность: творчество индивидуально, оно не связано с обучаемостью. Творчество абсолютно невоспроизводимо и оно не должно оцениваться.

— В самом деле. Вот, допустим, как личность оценивается? Ну, может быть, односторонняя оценка — социальная, профессиональная. А сущностной оценки, наверное, дать невозможно.

— Об этом еще Пушкин говорил: вы меня судите по мне, а не сравнивайте с каким-то прошлым опытом писания, я индивидуален, я самостоятелен, самооценен, я — творение природы. Творчество и является как бы базой жизни индивидуума, которая противостоит коллективизму, не дает человеку утратить свое «я». Когда мы говорим об отношениях личности и государства, то должны видеть, что государство, опирается на ремесло, а не на творчество. А народ вырабатывает и каждый индивидуум несет в себе свои неповторимые черты и требует права жить. Отсюда возникает максима: «Творчество свободно. Искусство зависимо». Искусство как ремесло социально избирательно. Все время вступают в противоречие две стороны: личного и коллективно-общественного волеизъявления.

Эти антитезы справедливы. А понятийная путаница удобна тем людям, которые в некотором роде прячутся за этим как бы высоким понятием «искусство», из-за нее мы порой не видим простой истины, а творческий человек часто не может себя защитить от человека ремесла, который нередко агрессивен. Поэтому многие и не согласились со мной и стали искать возможность, чтобы я эту резкость противопоставления снял.

И вот еще любопытный момент: в творчестве мы познаем гармонию как основу всеобщности. А красота — это только частный случай гармонии.

— Что это значит: частный случай гармонии?

— Я бы объяснил так. Гармония — там позволительны отклонения от точности или якобы точности. Например, возьмем симметричность. Понятия симметрии и красоты у нас соединяются. Гармония предполагает как левую,

так и правую асимметрию, а красота в народном представлении требует симметрии и мертвости. И становится понятным, что она — частный случай. И можно сказать даже, что она может быть рассчитана, эта симметричность. А асимметрия всегда находится в менее расчетном состоянии. Гармония там управляет больше на уровне интуитивного состояния. Здесь же прямую линию можем сосчитать и поэтому люди, узнав этот момент, обозначили его, зафиксировали и могут это знание передавать, им можно пользоваться. И будет возникать красота, которую можно узнать. Она стала знанием. А асимметрия, гармония — все еще не знание, все еще подвижность. Ее трудно остановить, зафиксировать и сделать красотой. И гармония дает миропредставление более широко, глубоко и объемно, а симметрия, красота становится пусть высоким, но все-таки частным случаем всей этой очень сложной и интересной жизни, которую гармония обслуживает.

Гармония может быть и очень абстрактна, то есть не предметна, может быть числовой. Но числовое обозначение гармонии будет всегда дробным, а красоты — всегда целым. Красота — она как бы фиксирует абсолютно одинаковое состояние двух начал — левого и правого. Равность двух начал обозначена двумя простыми равными числами. И поэтому вместо «это красиво» можно сказать: «это симметрично». Вот и женская красота представляется нам всегда ровной, симметричной. Но часто говорят: «Она некрасива, однако в ней есть что-то, она симпатична». Это всегда означает похвалу, но все же симпатичность — не высота, не гармония в ее пике, а гармония в каких-то других, частных проявлениях, не дошедшая до абсолюта. Но в то же время она больше содержит подвижности и ощущения развивающегося явления. А красота становится застывшей. Поэтому гармония предполагает момент всегда развивающийся до красоты, а красота — жестко остановленное мгновение. И когда смотришь долго: ой, как утомительно! Бездушная, холодная красота — это не случайные эпитеты. Не случайные. Потому что здесь неколеблемость, неразвиваемость, жизнь остановившаяся, застывшая, однообразная.

Хорошая живопись всегда гармонична, там нет лишнего, все устроено по определенному принципу. Если бы исходили только из одной красоты, то, я думаю, даже нельзя было бы сделать симфонию. Не было бы тогда подъемов и спадов, не было бы пика. В симфонии есть непременно пик, когда возникает некая стабильность, высота. И потом начинается спад. Развитие, вверх, пик и развитие вниз. И главная часть тоже имеет один пик или два. На примере музыки это объяснить даже легче, потому что живопись в чистом виде, как таковая, у нас не имеет хождения. У нас за живопись принимают изображение сюжетное, то есть практически какую-то театральную сцену. И содержание живописи всегда сводится именно к сюжету и к обозначению, что в картине человек делает или что переживает. Это чисто литературное представление. В собственно живописи таких обозначений просто нет. Живопись — это ритм. Я бы мог сказать так: вот идет девушка в очень интересном платье — я рассматриваю его как живопись. Платье — это живопись, я рассматриваю только ритмические зигзаги какие-то гармоничные. Цветозигзаги. Это цветовая музыка. Это и есть живопись в собственном своем значении. Интересно то, что она довольно-таки неплохо нас обслуживает, но воспринимать ее как содержательность никто не желает, хотя она может иметь отклик, как и музыка. Короче говоря, мы не научились чувствовать цвет. Если мы научились чувствовать звук и соединять его с переживанием, то цвет мы не научились чувствовать и сопереживать.

— Только через сюжетность?

— Да, сюжет, опосредованность. Но это не относится к живописи. Хотя часто, бывает, мы ахаем от восторга, но не знаем, что это и есть живопись. Например, выходим и — яркий луг цветов. Мы: ах! И это «ах!» есть как раз отклик на восприятие цвета. Вот это настоящее.

СОВЕСТЬ

В 1990 году столичное издательство «Наука» выпустило в свет мизерным тиражом «Словарь языкового расширения», составленный Александром Исаевичем Солженицыным. Выдающийся писатель более сорока лет по крупицам собирал «ключевые» и «побочные» слова, чтобы вернуть в русский язык то, что еще не умерло и может быть возвращено с пользой для языка, к его обогащению. Мы же у себя на Родине — в России, в отличие от своего соотечественника — «вермонтского отшельника», похоже, до сих пор не осознали необходимости не то чтобы воскрешения, а и охраны, защиты родного языка от неуправляемого потока иноязычного происхождения.

Сегодня, когда на вопрос: «Какие качества Вы больше всего цените в человеке?», все чаще называются «предприимчивость», «расчетливость», «умение и желание «делать» деньги» и все реже, стеснительней — «благородство», «достоинство», «честь», невольно приходит в голову мысль о необходимости для будущих поколений «Словаря утраченных понятий», в котором, очевидно, найдется место и слову «совесть».

Знаем ли мы точное значение этого слова?

Заглянем в словари. У Ожегова: «Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом». Коротко и ясно. Но что-то не позволяет нам безоговорочно принять такое толкование слова. Обратимся к Владимиру Ивановичу Далю.

Совесть — это: 1. Нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; 2. Внутреннее сознание добра и зла; 3. Тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка; 4. Чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее ото лжи и зла; 5. Невольная любовь к добру и к истине; 6. Прирожденная

правда, в различной степени развитая.

Не трудно заметить, что важная отличительная особенность в толковании слова Ожеговым и Далем заключается в том, что первый вкладывает в понятие совесть «чувство нравственной ответственности перед обществом и людьми», а второй (Даль) подразумевает «внутреннее сознание», «тайник души, в котором отзывается одобрение или осуждение каждого поступка» прежде всего и в первую очередь перед самим собой (Богом).

Недаром говорят в народе:

От человека утаишь, от совести (Бога) не утаишь;

Добрая совесть — глаз (глас) Божий;
Глаза — мера, душа — вера, совесть — порука;

У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится.

Нелишне будет напомнить и значение некоторых подзабытых нами производных слов:

Совестный — к совести относящийся: совестное дело, подлежащее суду совести, а не гражданскому закону. Совестный суд — учреждение, где известный разряд спорных дел разбирается по совести судей;

Совеститься — терпеть упреки совести, сознавать грех свой, вину, каяться в себе самом, сожалеть и досадовать на себя.

Совестливый — человек **добросовестный**, честный, поступающий всегда по совести...

Кстати, из-под пера того же Александра Исаевича Солженицына, от словаря которого мы оттолкнулись в начале наших рассуждений о совести, вышла поистине замечательная фраза «Жить не по лжи», что означает в нашем случае «жить по-совести»...

Кабы помнить об этом денно и ночью, кабы следовать мудрому совету — многое в нашей сегодняшней жизни пошло бы по иному руслу.

ПЕРЕД ВЫБОРОМ

(О первой книге Михаила Речкина)

При внимательном прочтении очерков и рассказов молодого нижевартовского прозаика Михаила Речкина возникает чувство, будто ты уже знаком с персонажами его произведений, уже слышал эти истории, и невольно подумаешь «Да ведь это же про наших!».

Рассказам, очеркам, документальной повести, собранным под одной обложкой, свойственна неспешность повествования. Автор не стремится во что бы то ни стало «закрутить пружину» сюжета, заинтриговать читателя острыми детективными «штучками». Его внешне ничем не примечательные герои живут, казалось бы, обыденной жизнью. Но молодой прозаик показывает нам необыденное в обыденном — вот в чем тут дело. И в этом — главное, на мой взгляд, достоинство прозы сборника «Излом», выпущенного тиражом всего 500 экз.

Доскональное знание предмета изображения отличает очерк «Исповедь ревизора». Кажется, невозможно придумать более скучную профессию. Но М. Речкину удалось показать «срез души» человека, которому изо дня в день приходится делать выбор между жизненным благополучием и Совестью, Долгом. Впишешь в акт ревизии правду вопреки требованиям начальства — останешься без работы, без денег, без квартиры. Впишешь лпу — будешь жить припеваючи, но с запятнанной совестью. Герой очерка свой выбор сделал раз и навсегда...

В рассказах «На масленицу», «Симониха» и других привлекают сочный язык, живость диалогов, яркие образы деревенских жителей. Читатель видит как бы своими глазами полюбившихся ему героев. В рассказе «Симониха» поднимается еще одна тема — тема связи с прошлым. Все мы связаны с прошлым, никуда нам от него не деться, не спрятаться за материальным благополучием, высокой должностью, повседневной суетой. Пробьет час, когда с каждого из нас спросится: как ты прожил отпущенные тебе дни! По лжи! По совести! Придется держать ответ. Вот почему наше прошлое живет в нас, являясь как бы внутренним ревизором наших поступков.

А. Корнеев,
член Союза журналистов России.

«...И ПРИНЕСИ ДАР ТВОЙ»

В Ханты-Мансийске идет становление научно-исследовательского института социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов, образование которого в декабре прошлого года явилось плодом усилий многих специалистов. В настоящее время решаются проблемы материально-технического и творческого характера, в их числе — комплектование научной библиотеки по финно-угро- и североведению, библиотеки художественной литературы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Основу научной библиотеки составили учебники по хантыйскому и мансийскому языку, изданные в разные годы, а также личная библиотека Ю. Н. Русской, посвятившей всю свою жизнь созданию письменности и учебников на хантыйском языке. Дальнейшее пополнение библиотечного фонда предполагается за счет личных библиотек ведущих научных сотрудников института — директора, кандидата педагогических наук Е. А. Немысовой, ученых-исследователей Севера, в частности — профессора В. А. Зибарева.

Располагая небольшим первоначальным фондом, библиотека надеется стать в будущем достаточно полным собранием документов по истории, этнографии, языку и культуре обско-угорских народов и рассчитывает на помощь исследователей, обладающих литературой по указанной тематике. С благодарностью примем предложения о добровольных пожертвованиях и продаже материалов, которые нам сочтут возможным предоставить. Сохранность всех собранных изданий для нынешнего и будущих поколений гарантируется. Желающие откликнуться на наши предложения могут обращаться по адресу: г. Ханты-Мансийск, ул. Коминтерна, д. 6, кв. 23, НИИ возрождения обско-угорских народов.

Н. Новикова,
заведующая библиотечным и
архивно-музейным сектором.

МАГИЧЕСКИЙ ПОЯС

В О ВСЕ времена пояс являлся немаловажным дополнением одежды. Для народов Севера он был не только декоративной деталью. У всех групп хантов и манси при подпоясывании делали напуск — вместилище для мелких вещей. Этот прием известен и у народов Сибири, и за ее пределами — у древних греков, например.

Что же он означал для них? Какова его история?

Одним из первых упоминаний о поясе является запись скифской генеалогической легенды Геродотом в V веке до н. э. Скифские пояса состояли из трех слоев кожаного ремня с нашитыми пластинками из металла, преимущественно из бронзы. У народов Севера пояса украшались подвесками, бляшками, иногда ключами, а у детей — колокольчиками. Ажурные литые бляхи из меди имели пояса северных самодейцев.

В славянских курганах X—XIII вв. находят узкие кожаные пояса с медной пряжкой, напоминающие причерноморские.

Пояс принято считать элементом кочевнической культуры. Отмечается его функциональное значение и у земледельцев, не менее важен он был и для пешего охотника. Так, у хантов пояс не только удерживал полы распашной одежды, а был местом, где у охотника постоянно висел нож, сумочки с оселком, огнивом и спичками, запасом патронов, сюда же привешивалась или затыкалась добытая пушнина.

Пояс издревне являлся хранителем «калиты», т. е. кошелька; на поясе и за поясом носили оружие.

Годунец, кушак, надживотник, плетешок, подпоясок — можно долго перечислять терминологию поясов, бытовавших у европейского крестьянства..

В быту и обрядах русских поясу издавна придавалось большое значение. Мужчине без пояса считалось появляться на народе и в обществе крайне неприличным. Распоясать человека означало обесчестить его. Снятием пояса был оскорблен на пиру внук Дмитрия Донского князь Василий Косой (середина XV в.), что послужило предлогом к войне.

До наших пор дошло такое меткое народное выражение, как «распоясаться» — утратить приличное поведение.

Но все же главное предназначение пояса — это отношение к нему как к магическому объекту, оберегу против нечистых сил, средства, способствующего благополучию и удаче того, кто его носит. Народ верил в могущественную силу пояса, о чем свидетельствуют рукописные книги простонародной медицины. «А от колдунов и от всякой порчи носят на голом теле пояс вязаный. И при этом талисмানে не может действовать никакое колдовство».

Вера в магическое значение пояса в разных местностях выражалась по-своему. Среди старообрядцев Пермской области было распространено ношение пояса («ниточки») из трех нитей на голом теле с целью защиты от разного рода нечисти. В Горьковской области пояс, как и крест, не полагалось снимать даже в бане, чтобы не предстать беспомощным перед «бесами».

Очень много интересных примеров можно привести о значении пояса в шаманизме у народов Сибири и Европейского Севера. У ненцев начинающему шаману «вместо бубна служил пояс, к которому слетались духи-помощники». И у эвенков, и у энцев ритуальный пояс с подвешенными к нему священными предметами являлся частью шаманского одеяния.

В то же время на Севере отмечен обычай венчаться в неподпоясанном сарафане, так как «священник не разрешал венчаться с поясом». То же наблюдалось и в Пермской области. Очевидно, смысл запрета состоял в

противодействию языческой традиции. Но как бы там ни было, пояс все же оставался своеобразным амулетом на протяжении многих сотен лет.

Поверья, наделявшие пояс особой магической силой, известны не только у русских, но и у прибалтийско-финских народов. Латыши надевали пояс новорожденному сразу после крещения, чтобы охранить младенца от всего худого. Существовало поверье, что в поясе заключена вся сила женщины, и многие из них не расставались с поясом, даже ложась спать.

Повязывание пояса составляет важную часть обряда посвящения в мастера у таджиков и узбеков в Средней Азии. У памирских таджиков существовал обряд новогоднего «опоясывания» дома.

В Смоленской губернии существовал обряд входа в новый дом: хозяин входил первым, а за пояс втягивал в дом всех остальных членов семьи.

У европейского крестьянства материал и внешний вид пояса зависели от его назначения, от сословного и имущественного положения владельца. В каждом крестьянском хозяйстве изготовляли пояса женские и мужские, для повседневного употребления и праздничные.

Сходное украшение поясов прослеживается в ряде губерний Европейской России. Так, в русских селениях Притоболья, Прикамья пояс в праздничном ансамбле одежды именно выставлялся напоказ, и поэтому концы пояса, свисавшие вниз, обильно украшались кисточками и помпонами — «китицами», «кутасами» из разноцветной гарусной шерсти.

Нам буквально посчастливилось, что Мегионский музей обладает двумя уникальными вязаными поясами — мужским и женским, подаренными Евтеевой Зоей Ивановной. Датируются они последней четвертью XX века. Пояса привезены из слободы Петропавловской — той самой, откуда «родом» шерстянки и навертышки, описанные в предыдущей статье. Богато украшенные помпонами, они имеют очень яркую расцветку. Надевали их только по праздникам, во время церковных служб: мужчины — поверх «удабочек» (рубашках строго под горло), женщины подпоясывали ими сарафаны. У редких деревенских долгожителей Петропавловки остались старинные пояса, так как часто они служили внукам и внучкам сбруей для игры в «лошадки».

Богатая и древняя история у пояса. Можно рассказать множество удивительных легенд, глядя на неповторимое переплетение разноцветных нитей. Жаль, что этого уже никогда не сможет современное поколение. Очень жаль...

В. Лазарева,
главный хранитель
фондов Мегионского музея.

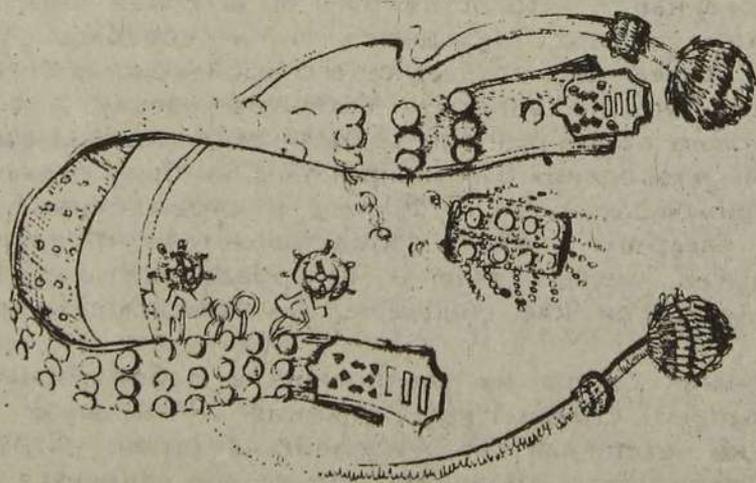

Рис. А. Мухаметовой

ИЗ ИСТОРИИ ОПЫТОВ СВЕКЛОСЕЯНИЯ И САХАРОВАРЕНИЯ В СИБИРИ

Ю. Белоножко, кандидат исторических наук.

В последнее время в сибирских областных газетах стали часто появляться статьи об опытах свеклосеяния, публикуются практические рекомендации по возделыванию этой культуры. Статья старшего научного сотрудника Ханты-Мансийской сельскохозяйственной опытной станции А. Корепановой «О сахарной свекле», опубликованная в «Новостях Югры» в конце мая, убеждает в том, что ее с успехом можно выращивать и в северных условиях, получая вполне приличный урожай для последующего производства сахарного сиропа.

Первые ли это попытки внедрить сахарную свеклу в сельское хозяйство Сибири? Нет. Впервые подобные опыты были произведены более 150 лет тому назад. География их проведения была широкой. Они были связаны с зарождением свеклосахарной промышленности в России и стремлением решить проблему самообеспечения сахаром Сибири. Представляется, что предлагаемый ниже материал об опытах свеклосеяния и сахароварения в Сибири в прошлом столетии будет интересен как специалистам сельского хозяйства, так и всем читателям.

Попытки получения сахара из свекловицы в лабораторных условиях предпринимались в разных странах уже в конце XVIII в. В проведении таких опытов Россия не отставала от европейских стран. Стремление наладить промышленное производство отечественного сахара относится к первому десятилетию XIX века. Накануне Отечественной войны 1812 г. у нас было четыре

небольших сахарных завода. Война помешала успешному развитию сахарной промышленности. Устойчивый подъем ее наметился с начала 1820-х г.г.

Большую роль в развитии свеклосахарного производства сыграло Московское общество сельского хозяйства (МОСХ), основанное в 1818 г. по инициативе группы передовых помещиков Московской губернии. Оно горячо поддержало первых сахарозаводчиков. На страницах своего печатного органа — «Земледельческого журнала» — МОСХ публиковало разнообразные материалы по свеклосахарному делу. Общество создало в 1833 г. специальный Комитет сахароваров, который был призван оказывать всестороннюю помощь сахарозаводчикам. Благодаря деятельности МОСХ к 1840 г. в России было уже 158 заводов, на которых производилась 1/12 часть всего потребляемого в стране сахара.

Общество старалось продвинуть культуру сахарной свеклы и сахароварение на территорию Сибири. В крае нашлись люди, которые горячо поддержали эти идеи научного общества. Первым, кто выступил с пропагандой идеи свеклосеяния и сахароварения среди сибирских купцов, был декабрист Александр Николаевич Муравьев, который в 1826—1828 г.г. отбывал ссылку в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), а позже служил городским головой г. Иркутска. Это не было случайностью. Его отец Николай Николаевич Муравьев, один из основателей МОСХ, имел небольшой сахарный завод. Идеи свеклосеяния и сахароварения были сочувственно восприняты богатыми купцами Восточной Сибири — П. Т. Басниным, Д. О. Портновым, Г. А. Шевелевым. В 1828 г. Шевелев устроил под Верхнеудинском хутор, где провел опыт выращивания сахарной свеклы. Эксперимент оказался удачным. И купцы начали хлопотать об образовании компании на акциях и устройстве сахарного завода на складочный капитал. Известно, что ходатайство их рассматривалось в Комитете сахароваров в 1836 г.

Испытание сахарной свеклы проводилось и на Опытном хуторе Сибирского линейного казачьего войска под г. Омском, основанном в 1828 г., а затем и в ряде станиц. Эксперимент и здесь был удачным, особенно в пригорной крепости Бухтарминской. Корни сахарной свеклы были отправлены для химического анализа в МОСХ. Ученые подтвердили высокое содержание сахара. Начальник Сибирского войска С. Б. Броневский намеревался построить сахарный завод, однако, эта идея позже была оставлена.

Запросы на семена свекловицы и литературу по свеклосахарному делу шли из разных мест Сибири. В 1837 г. Тобольское губернское правление послало в МОСХ 75 руб. на книги по свеклосахарному делу и 85 рублей на семена свекловицы.

В 1834 г. император Николай I назначил С. Б. Броневского генерал-губернатором Восточной Сибири. Уже в 1835 г. Семен Богданович развернул бурную деятельность по строительству свеклосахарного завода в административном центре Нерчинского округа — селе Большой Нерчинский завод. Броневский предполагал поблизости от него создать поселение ссыльных, которые занимались бы выращиванием сахарной свеклы. В районе Большого Нерчинского завода были произведены пробные посевы свекловицы, которые оказались удачными. Но к строительству сахарного завода не приступили, так как в 1837 г. Броневский ушел в отставку и уехал из Сибири.

Однако, попытки наладить выращивание сахарной свеклы не прекращались. В 1841 г. начальник Нерчинских сереброплавильных заводов Татаринов обращался в Комитет сахароваров с просьбой прислать для опытных посевов 20 фунтов семян свекловицы и термометр Реомюра. Заказ сибиряка был выполнен.

Когда стало очевидно, что выращивать сахарную свеклу в условиях сибирского климата возможно, предприимчивые люди обнаружили стремление к производству посевов в большом размере. Так, известно, что томский почтмейстер Геденштром хлопотал о выделении ему 500 десятин земли для

разведения свекловицы и табака. В 40-е г.г. XIX в. сахарные плантации собирався завести купец Ф. Букарин из г. Кургана Тобольской губернии. А в середине 50- г.г. прошлого столетия о намерении производить посеы сахарной свеклы в большом размере в Курганском уезде Тобольской губернии заявлял шадринский купец Д. Хохлов. Он хлопотал одновременно и об устройстве сахарного завода. Но непросто было приобрести необходимое оборудование и опытного мастера-сахаровара, который бы захотел поехать на работу в далекую и холодную Сибирь.

Отражением интереса сибиряков к проблемам свеклосеяния и сахароварения было их участие в деятельности Комитета сахароваров. Действительными членами Комитета были П. Т. Баснин с 1837 г., чиновники И. И. Галкин (г. Красноярск) и К. З. Рик (Большой Нерчинский завод) с 1838 г. Почетным членом с 1839 г. стал С. Б. Броневский. К 1840 г. число действительных членов пополнилось еще двумя сибиряками — генерал-майором Галафеевым (г. Тобольск) и полковником Черкасовым (г. Омск). В 1841 г. в члены Комитета был принят Иван Дмитриевич Асташев.

Комитет сахароваров серьезно интересовался возможностью устройства сахарных заводов в Сибири и делал все от него зависящее, чтобы утвердить в Зауральской России свеклосеяние и сахароварение. Рассылал семена свекловицы и специальную литературу, помогал сибирским купцам закупать оборудование и разыскивать знающих мастеров.

Первые свеклосахарные заводы появились в Сибири в середине XIX в. В 1853 г. в 30 верстах от г. Кяхты, в слободе Усть-Кяхта, на берегу р. Сенеги был построен завод для рафинирования сахара-сырца, получаемого из Китая. Хозяевами завода были кяхтинские купцы Пернин и Ременников. Сахар их завода продавался по 15 руб. за пуд, в то время, как привозимый с Нижегородской ярмарки стоил 65—70 руб. асс. за пуд. В 1854 г. свеклосахарный завод был пущен в Верхнеудинском округе Забайкальской области купцом Трубчаниновым. Он, вероятно, тоже работал на привозном сырье.

Чтобы поощрить развитие свеклосахарного дела в Сибири, Сибирский комитет 24 декабря 1854 г. постановил освободить от уплаты налога в казну не только действовавшие заводы, но и те, которые будут строиться впоследствии.

Несмотря на все трудности, движение за устройство сахарных заводов продолжалось. В 1859 г. правительство разрешило начальнику Алтайских заводов устраивать сахарные заводы в Алтайском горном округе. В 1861 г. был построен Малышевский завод в Барнаульском уезде Томской губернии для переработки выращиваемой здесь сахарной свеклы. Урожай корней достигал 720—1000 пудов с десятины при содержании 3—5% сахара. В 1856 г. Малышевский завод перешел на выработку спирта в связи с низким выходом сахара и нерентабельностью сахарного производства.

Но неудачи не останавливали сибирских опытников. Попытки утвердить в регионе свеклосеяние и сахароварение предпринимались и в более поздний период. Итогом опытов в XIX в. было превращение Алтая в сахаропроизводящий район.

И вот новый виток опытов свеклосеяния и сахароварения... Будем надеяться, что в результате опытов конца XX в. при значительном потеплении климата в сибирском регионе появится ряд новых районов по производству сибирского сахара, что постепенно будет ликвидирован дефицит этого важнейшего продукта.

Н. Чесноков

СОБОЛЬ

На древнем гербе Березова изображен соболь. Он стал символом этого города в связи с чрезвычайно большим значением в местной экономике. Царский ясак подлежал оплате только соболями. Один из архивных документов гласит: «В 1586 году Московский государь наложил ясаку на Сибирское царство, на Конду Большую и Конду Меньшую, и на Пелымское государство, на Туру, и на Иртышское государство, и на Обь Великую, и на все городки обские 5000 сороков соболей...». Это ни много ни мало 200 тысяч шкурок! Такую массу пушнины надо было не только собрать от добытчиков, но и доставить в Россию. На реке Таз возник торговый и перевалочный пункт — город Мангазея, который за процветающую в нем торговлю называли «златокипящей Мангазеей». Сюда устремлялись по Северному морскому пути не только русские купцы, но и зарубежные.

Но недолго длилось «многособолье». Уже в конце 17-го века соболей поступало в казну менее 50 тысяч. Во избежание незаконного вывоза пушнины за рубеж царское правительство закрыло морской путь в Мангазею. Это был приговор городу: он зачах и исчез с лица земли. В Москву пошли жалобы на оскудение соболиных угодий. Ваховские остяки «били челом» царю о замене собольего ясака другой «мягкой рухлядью»: белками, лисицами, горностаями и др.

Уменьшение числа собольего поголовья наступило из-за чрезмерного преследования зверя охотниками, к чему побуждали поборы чиновников, обманная торговля купцов. Охотнику достаточно было «взять след» соболя — и шкурка зверька неизбежно попадала в котомку добытчика. К началу 20-го века некогда сплошная территория от Урала до Тихого океана, заселенная соболями, сократилась до отдельных небольших островков. Соболь быстрее исчезал, там, где его было легче добыть. На Приобском Севере его полностью истребили по Казыму, Агану и Ваху, где леса расположены узкими лентами вдоль берегов рек. Советским правительством были предприняты меры, чтобы спасти соболя от уничтожения: организованы соболиные заповедники, дважды вводился пятилетний запрет охоты.

В Северном Приобье первый заповедник появился в 1928 году. Это был Кондо-Сосьвинский государственный боброво-соболиный заповедник, располагавшийся в верховьях рек Конды и Малой Сосьвы, где еще сохранилось небольшое количество соболей. Заповедник сыграл важную роль в восстановлении поголовья ценного зверька. К 1940 году соболей на территории заповедника было уже более тысячи голов. Сейчас соболи встречаются по всему левобережью от Оби до Уральского хребта.

Второй очаг соболей, уцелевший от истребления, был на реке Югане. Благодаря мерам охраны (повсеместному пятилетнему запрету охоты, а затем ее ограничению), соболи Юганского очага заняли обширную территорию бассейнов Югана и Салыма. Усилившаяся вырубка лесов по Югану и наступление нефтедобытчиков поставили под угрозу судьбу юганских соболей. В связи

ЧЕСНОКОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ — биолог, кандидат сельскохозяйственных наук. В 1955 году окончил Московский пушно-меховой институт и до 1961 года работал в Ханты-Мансийске, а затем — по 1983 год — в научных учреждениях Свердловска. В настоящее время — заведующий отделом Центральной научно-исследовательской лаборатории Главохоты России. Имеет более 86 опубликованных работ. В 1991 году Средне-Уральское книжное издательство выпустило в свет научно-популярную книгу Н. Чеснокова «Осторожно, живое!».

с этим в центре соболиного очага, по речке Нёгус-Ях (Соболиная) в 1981 году был создан Юганский заповедник. Площадь его достаточно велика (622,9 тыс. га), чтобы соболи могли жить и размножаться, не страдая от промышленного освоения территории.

Долгое время без соболя оставалось Правобережье Оби — бассейны рек Ваха, Агана, Пима, Лямина, Назыма, Казыма. Возврат туда соболя был невозможен без помощи человека. С 1952 года в этот край начат завоз соболей с целью заселить ими территорию, где они раньше жили. Первая партия в количестве 115 голов выпущена в Нижневартовском районе по верхнему Ваху. Всего на Правобережье Оби в районах Нижневартовском, Сургутском, Октябрьском и Березовском было выпущено более тысячи голов. Создано несколько очагов, которые слились между собой впоследствии. В результате искусственного расселения на Правобережье Оби возвращен исконный обитатель тайги.

В настоящее время соболь практически встречается на большей части Ханты-Мансийского округа и повсеместно служит объектом пушной охоты. Добывают соболя несколькими способами. Пока неглубок снег, зверька обнаруживают с помощью собаки-лайки. Собака находит след, идет по нему, увидев соболя, загоняет его на дерево. Громко лает, давая знать отставшему хозяину. Тот подходит и снимает зверька выстрелом.

У ханты и манси до сих пор еще применяется охота с обметом. Обмет — это сетка из прочных нитей. Для охоты с обметом требуется чрезвычайная выносливость. Охотник долго и неутомимо преследует соболя, пока не загонит его в дупло или под корни дерева. Затем сеткой обметывается место укрытия соболя, к обмету подвешиваются колокольцы, а дальше нужно только терпение. В конце концов звон колокольцев возвещает, что соболь вышел из убежища и запутался в сетке.

Раньше широко практиковалась и кое-где еще сохранилась добыча соболя опадными самоловами-кулемками. Эта ловушка устанавливается в местах, где зверьки рыскают в поисках пищи. Охотники изготавливают их осенью до 150—200 штук и настораживают с выпадением снега. Устройство кулемки несложное: одно бревно кладут на подставках горизонтально несколько выше уровня снега, другое укрепляют сверху, приподнимая его с одного конца на 15—20 см., и удерживают его в таком положении насторожкой, на которую крепят наживку — кусок мяса, лесной дичи (рябчика, тетерева, глухаря). Соболь трогает мясо, насторожка срывается, бревно падает и придавливает зверька.

Наиболее распространен лов соболей капканами. Их выставляют обычно во второй половине охотничьего сезона, когда устанавливается глубокий снеговой покров, препятствующий работе собаки-лайки. Капканы ставят на тропах и одиночных следах зверьков, а также у выкладываемой или подвешиваемой привады — тушки рябчика, куска мяса другой лесной дичи.

Соболь — хищник. Он питается и мышами, ловит бурундуков и белок, не брезгует птичьими яйцами. У него хватает силы и смелости нападать даже на такую крупную птицу, как глухарь. В крепкий зимний мороз глухарь ночует под снегом. Чуткий нос соболя обнаруживает место, где спит птица. Соболь подкрадывается и стремительно кидается на него. Взрывается фонтаном снег, хлопают могучие крылья, но соболь уже оседлал птицу и на ее спине взмывает в небо, подбираясь зубами к шее. Скоро обессиленная птица замедляет лет и падает со своим убийцей в мягкий снег. Соболь тащит ее в укромное место для пиршества. От ночной трагедии остается лишь вмятина в снегу да капли крови на месте падения птицы.

Соболь не отказывается и от растительной пищи. Существенную роль в питании играют кедровые орехи, рябина, таежные ягоды.

Соболь в лесу подобен щуке в реке: ни зверюшке, ни птице дремать не даст. Очень хорошо это видно на поведении белок. В местах, где нет соболей, белки часто спускаются на землю, перебегают от дерева к дереву, оставляя на снегу строчки следов. Охотникам там легче добывать белку: ее можно выследить даже без собаки. А в лесу, где есть соболи, белки осторожны, они почти не спускаются с деревьев, чтобы не оставлять следов. Обнаружить их трудно и соболю, и охотникам.

Долго не было известно, в какое время года у соболя происходит гон. Охотники полагали, что ранней весной, когда у зверьков наблюдается оживление, возрастание активности, самцы преследуют самок. Но это ложный гон. Ученые установили, что настоящий гон бывает летом, а зимой в развитии зародышей наступает задержка, так называемый латентный период.

Весной, в апреле, самка соболя в гнезде, устраиваемом в дупле дерева, под корнями или в валежине, приносит 4—6 детенышей. Они рождаются голыми, слепыми, но уже через пару месяцев становятся самостоятельными. Осенью семья распадается, выводок разбредается. Через год соболята становятся взрослыми.

Несмотря на то, что нефтеразработки уменьшают площадь собольих угодий, а значительная часть добытых зверьков уходит к нефтяникам, лесорубам и пушным спекулянтам, соболь остается важным объектом охоты местного коренного населения. Соболь и теперь не перестал быть символом таежного края. Только изобразить его на гербе следовало бы на фоне нефтяной вышки...

Фото М. Заплатина

ОТЪЕЗД НА ВЕСНОВКУ

В этом номере мы начинаем знакомить читателя с промыслом, имевшим большое значение для северян, — весновкой. Вспоминает уроженец Сургута, 78-летний ветеран Великой Отечественной войны Александр Васильевич Кузнецов.

Для весеннего промысла уток и рыбы выезжали обычно несколько хозяев в одно как бы уже закрепленное за ними место. Мой отец весновал вместе с дядей Фейдой Вергуновым, дядей Сашей Макушиным и Иваном Домашовым в низовье реки Тром-Юган в 32 км от Сургута. Чтобы попасть на место, надо было проехать 12 км вверх по Оби до устья Тром-Югана и 20 км вверх по этой таежной реке, деревня Банное оставалась справа в стороне от реки в двух километрах.

Выезжали последним санным путем, уже местами на гривах не было снега, а забереги на реке были большие, особенно у отмелей песчаных берегов. Поскольку на суше снегу оставалось мало, промысловики выбирали путь по реке — путь опасный, но привычный.

Чтобы лучше преодолеть трудности дороги, к задним копыльям саней привертывались вторые оглобли; они поднимались на уровне передних, между оглоблями и санями закладывали палку-валек и концы стягивались черессдельником. На сани накладывалось сено и утаптывалось так, чтобы оно было чуть выше головок саней. На сено ставился облас, носовая часть которого привязывалась веревкой к головкам саней, а кормовая ложилась на черессдельник между оглоблями позади саней.

Крепился облас веревкой и посередине.

В облас складывали продукты питания, одежду, постель, ружье, боеприпасы, сети, перевес. Предосторожность необходимая, так как перебираясь через забереги на лед, лошадь иногда даже всплывает. В этом случае и сани с сеном и лежащим на нем обласом не тонут. Проходя по воде до кромки льда, лошадь выпрыгивает на лед и легко вытаскивает находящиеся на плаву сани.

Поездка по льду, как я уже говорил, небезопасна, и промысловики готовы к действию. Если впереди идущая лошадь проваливалась и лед под ней рассыпался на иголки, едущий следом быстро выводил свою лошадь с упряжью вперед на более надежный лед, а хозяин провалившейся лошади быстро набрасывал на ее шею удавкой специально приготовленный аркан, второй конец которого привязывал к стоящим на прочном льду передним саням. Запряженная в них лошадь рывком вытягивала на лед провалившуюся вместе с упряжью. Видимо, аркан перехватывает горло, дыхание прекращается и в этот момент тонущая лошадь как бы самой водой выталкивается на поверхность. Петля на шее расслабляется — лошадь моментально вскакивает на ноги и продолжает везти воз. Привычные к такому купанию животные спокойно прыгают с кромки льда в воду заберегов.

Выезжали всегда с рассветом, чтобы по утреннему насту легче было доехать до своих избушек — места промысла, где еще нашими предками были прорублены просеки-плохи для ловли уток перевесами. Подробнее об этом — в следующем номере.

КРЕСТЬЯНЕ СЕЛА САМАРОВА

ЭТА работа не претендует на то, чтобы осветить все стороны жизни и деятельности Х. М. Лопарева.

Это — попытка показать сибирского крестьянина, по воле судьбы ставшего ученым с европейским именем, но не утратившего до конца своей жизни глубоких внутренних связей со своей Родиной.

Хрисанф Мефодьевич Лопарев родился 19 марта 1862 года в с. Самарове Тобольской губернии (с начала 1950 г. с. Самарово вошло в городскую черту г. Ханты-Мансийска). Родился он в бедной крестьянской семье, и детские годы его ничем не отличались от детства миллионов крестьянских детей, как это явствует из его «Автобиографии»¹.

Учился он в сельской школе, быт и нравы которой он изобразил спустя 20 лет в книге, посвященной селу Самарову. «Нас драли за все, за всякую мелочь; сломаешь ли грифель — пороть, разобьешь ли стекло — драть, не пригодишь уроки — порка...»². Но, несмотря на все это, мечты о гимназии, мечты о дальнейшем ученье не оставляли мальчика. «Снимая с гряд картофель или копая землю, я видел, как уезжал сын купеческий на пароходную пристань. «А он туда... учиться... в Тобольск... э!» — думал я, но что мог сделать отец-купец, о том не мог и подумать тятенька»³.

1873 год оказался поворотным в судьбе Х. М. Лопарева. Совершенно неожиданно, благодаря счастливой случайности, жизнь его резко изменилась. Проезжавший через Тобольск великий князь Алексей Александрович заехал на один день в село Самарово, и в память этого «события» самаровские и окрестные крестьяне «собрали 3000 р. с тем, чтобы на проценты с этого капитала воспитывался в Тобольской гимназии один из крестьянских мальчиков Самаровской волости»⁴. Первым таким стипендиатом был Хрисанф Лопарев, как один из лучших учеников.

В 1882 г. он окончил Тобольскую гимназию «с серебряной медалью. К этому времени научные интересы его уже, видимо, совершенно оформились: он мечтал об историко-филологическом факультете Петербургского университета. С большим трудом получил он увольнительное свидетельство от общества и его вспомоществование в сумме 20 р. в месяц.

Сейчас трудно представить, в каких материальных условиях протекали студенческие годы Лопарева. Из года в год подает он «прошение» на имя ректора С.-Петербургского университета с просьбой об освобождении его от платы за обучение. В качестве основания к каждому «прошению» он прикладывает «свидетельство о моей бедности» или «документ о бедности моих родителей». Этот потрясающий «документ» эпохи нельзя не привести полностью:

«1882 года июля 12 дня. Предъявитель сего крестьянин села Самаровского Тобольской губернии и округа Хрисанф Мефодьевич Лопарев, двадцати лет от роду. Все семейство его не получило никакого образования. Оно состоит из отца 60 лет, матери, 56 лет, сестры, снохи, ее двухлетнего сына и брата, находящегося в военной службе. Бедные его родители нигде не служат, не получают никакой пенсии, а прокармливают свою семью собственными трудами. При всем том они постепенно увеличивают свои долги... Сестра вышеозначенного крестьянина Хрисанфа Лопарева, 15 лет от роду,

¹ Архив Академии наук, ф. 107, оп. 1 № 80.

² Х. Лопарев, Самарово, село Тобольской губернии и округа. Изд. 2-е. Спб. 1896, стр. 146.

³ Там же, стр. 146.

⁴ С. Н. Замахаев и Г. А. Цветаев. Историческая записка о Тобольской гимназии. 1789—1889. Тобольск, 1899., стр. 319—320.

нигде не воспитывается и живет при родителях. Недвижимая их собственность состоит из дома, амбара и скотного двора.

В удостоверении чего, за подписанием и приложением казенной печати, на основании выше означенных, вполне известных сведений, свидетельствуется, что Хрисанф Мефодьев Лопарев ни в 1882/83, ни в последующие годы своего учения не в состоянии вносить в С.-Петербургский университет за право слушаний лекций 50 рублей в год или в полгода 25 рублей¹.

В декабре 1886 года Х. М. Лопарев окончил Петербургский университет по историко-филологическому отделению. В 1890 г. он выдержал магистерский экзамен по всеобщей истории. Диссертация его «Греческие жития святых VIII—IX вв. как исторический источник» (печатавшаяся ранее в «Византийском Временнике») была закончена в 1914 г. и защищена в Дерптском университете (1915 г.).

Служебная жизнь Лопарева протекала в следующих учреждениях: причисленный в 1889 году к Министерству народного просвещения, он был некоторое время секретарем учебного отделения православного Палестинского Общества и Общества любителей древней письменности. Затем он перешел в Министерство внутренних дел на должность секретаря при Попечителе Странноприемного в Москве дома гр. Шереметева. В 1894 г. стал чиновником особых поручений при Государственном контроле и, наконец, в 1896 году он поступил в Публичную Библиотеку, где и прослужил до самой смерти. В Библиотеке он работал сначала в отделении полиграфии, затем в отделении богословия и с 1904 года в рукописном отделении.

В связи со своими научными изысканиями он неоднократно был командирован в различные города: в 1887 г. — Москву, Казань, Ростов-Ярославский и Поречье, в 1896 г. — в Константинополь и на Афон, в 1902 г. в Италию (Генуя, Флоренция, Рим) и в 1906 г. — в Псков. В 1910 г. было отмечено 25-летие научной деятельности Лопарева².

Скончался Х. М. Лопарев 30 сентября 1918 года в Петрограде. Могила его, очевидно, давно уже не существует, так как не удалось даже установить, на каком кладбище он похоронен.

Как ученый Х. М. Лопарев известен в качестве крупного византиноведа (он был учеником акад. В. Г. Васильевского (1838—1899), сыгравшего значительную роль в его жизни)³. Затем он выступал как историк и исследователь древнерусской литературы, как палеограф, архивист и библиограф. Не входя здесь в оценку его научной деятельности, укажем только, что число его трудов доходит до ста. Написаны они на русском, латинском и греческом языках.

Человек с самыми разнообразными интересами и наклонностями, Х. М. Лопарев был не чужд шахматному искусству. Он состоял членом Спб. шахматного клуба и, видимо, был сильным шахматистом, если с ним играл сам М. И. Чигорин⁴. Заслуживает внимания и его попытка выразить себя в поэзии. В 1912 г. Лопарев на свой счет издал брошюру: Пророк. Стихотворение Хр. М. Лопарева. Спб. тип. имп. Академии наук, 1912.

В архиве Лопарева находится целая папка, посвященная стихотворению «Пророк». После изучения всех черновиков и набросков выясняется история его создания и печатания. По концепции Лопарева «Пророк» А. С. Пушкина остался незаконченным. М. Ю. Лермонтов в своем «Пророке» дал лишь продолжение, но не окончание его. Стихотворение это произвело на Лопарева

¹ Гос. Исторический Архив Ленинградской области, ф. 14, оп. 3 № 22566, связка № 1400.

² «Новое время», 1910, 24 окт., стр. 5, с портретом Х. М. Лопарева. Перепечатано: «Исторический Вестник», 1910, декабрь, стр. 1209—1210.

³ См. «Автобиография Х. М. Лопарева». Архив Академии наук СССР, ф. 107, оп. 1, № 80.

⁴ Записи игры в шахматы. Игра в Спб. шахматном клубе: Чигорин—Лопарев. 10 декабря 1894 г. Архив Академии наук СССР, ф. 107, оп. 1 № 146.

огромное впечатление и, будучи еще тобольским гимназистом (1881), он написал к нему окончание в том духе, как он его понимал. Издание своего «Пророка» в 1912 году есть реализация давнего замысла.

Для Лопарева-ученого характерно пристальное и постоянное внимание к своему родному сибирскому краю. Всю свою жизнь ученый не порывает связей с далекой родной деревней. Почти каждое лето он ездит отдыхать в Тобольск, в Самарово¹. В Архиве Академии наук СССР список корреспондентов Лопарева превышает 600 человек. Эти корреспонденты, наряду с крупнейшими русскими и европейскими учеными того времени, — далекие самаровские земляки, те самые, которые когда-то не хотели подписывать ему увольнительного свидетельства — товарищи, друзья, знакомые, родственники, сородичи, свойственники, крестники, соседи. Переписка эта длится десятилетиями.

Он активный член Тобольского губернского Музея, на страницах «Ежегодника» которого он иногда печатается, и в Библиотеку, которого он постоянно жертвует книги. Он член общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии. «В последние годы жизни бывший питомец Тобольской губернии отблагодарил родной город за старую поддержку и на скопленные с трудом 7000 рубл. учредил в местной гимназии стипендию имени Хрисанфа Лопарева². Он член Общества изучения Сибири и улучшения ее быта (при Музее Этнографии и Антропологии Академии наук в С.-Петербурге).

Но ярче всего выявился его «сибирский патриотизм» в его историографической работе. Первая публикация, первая печатная работа Лопарева посвящена родине. Это «Покорение Югорской земли» в газете «Восточное Обозрение»³. Статья, посвященная трехсотлетней годовщине подчинения русской власти бывшего остяцкого городища князя Самара, рассказывает о том, как... атаман Богдан Брязга покорил его. Этот первоначальный этюд постепенно перерастает в книгу: «У меня уже созрела мысль (март 1888) написать хотя бы краткую историю своей родины, и я однажды просил домашних написать мне что-либо из самаровской старины»⁴.

И вот выходит книга: «Самарово, село Тобольской губернии и округа. Материалы и воспоминания о его прошлом Хрисанфа Лопарева. С картой, планом и тремя видами. Спб., 1892, 80 стр.». Книга эта, представляющая историко-этнографическое описание села Самарова, была отмечена рецензией в «Живой Старине», 1893. II. стр. 264—265 (А. И. Лященко). Собирался о ней писать и Г. Н. Потанин⁵.

Но и после выхода в свет книги не прекращается работа, посвященная истории родного края. Через четыре года (1896) выходит новое подписное издание и объемом уже в 244 страницы. Какие большие планы строились автором, какие высокие требования предъявлял он к работе, посвященной сибирскому селу, лучше всего говорят строки из его предисловия: «...материалы как печатные, так особенно рукописные, архивные, быстро накапливались в портфеле и давали возможность подумывать о втором издании, которое ныне и появляется благодаря просвященному содействию Г. В. Юдина. Во втором издании, разросшемся с пяти до пятнадцати листов, материал значи-

¹ «Из дальних краев я спешил на свою родину с намерением обнять своих родных своих сверстников, своих товарищей...». — Слово над гробом А. Е. Корепанова, принесенное Х. М. Лопаревым 9 июля 1913 г. в с. Самарове. Архив Академии наук СССР, ф. 107, оп. 1, № 45.

² Русский исторический журнал. Кн. 5, 1918, стр. 328.

³ № 41 от 24 октября 1895 г., стр. 9—10.

⁴ Лопарев Хр. Самарово, село Тобольской губернии и округа. Изд. 2-е. Спб., 1896, стр. 85.

⁵ «Не добыли ли экземпляр «Села Самарова»? Я желал бы написать о нем заметку в «Восточное Обозрение». Если нет экземпляра для подарка, пришлите на несколько дней. Возвращу». — Из письма Г. Н. Потанина от 29 апреля 1894 г. Архив Академии наук СССР, ф. 107, оп. 2, № 380.

тельно увеличен преимущественно из рукописных архивов Самаровского волостного правления, дела которого просмотрены до 1819 года, Тобольского губернского правления, дела которого любезно сообщены нам Тобольским исправником А. А. Павлиновым, и Министерства Юстиции (в Москве)... Тем не менее, все еще много недостатков и в этом издании: материалы о Самарове, даже и печатные, собраны не все, многое из первой части должно быть отнесено во вторую, многие документы третьей части должны быть проверены по подлинникам и т. д. Третье и даже четвертое издание «Самарова» явятся необходимостью (не перестану помышлять о них, дондеже есмь), и только тогда, когда собран будет весь главнейший материал, возможно будет приступить к стройной истории села во всех его отношениях: топографическом, историческом, торгово-промышленном, административном, бытовом и пр.»¹.

Не так уж много деревень и сел в Сибири (да и не только в Сибири), которые могли бы похвалиться историческими работами, им посвященными². Представляется поразительным, что в современной специальной работе, посвященной этому краю³, книга Лопарева даже не упомянута.

Жизненный путь Х. М. Лопарева, приведший его с берегов Иртыша на берега Невы, из глухого таежного села, в столичный город, в самый центр научной мысли, был тяжелым, сложным и совершенно необычным для того времени. Эти особенности его биографии не могли не сказаться на его личности, крайне самобытной, крайне своеобразной и чисто русской по самой своей природе⁴.

Знакомство с его архивом, свидетельство лиц, знавших Х. М. Лопарева, и как-то еще помнящих его, характеристики его биографов — все это сводится к тому, что «...Как человек, Хрисанф Мефодьевич был необыкновенно привлекателен своей нравственной стороной: идеалист в жизни, он жил целиком только наукой, ее интересами, своеобразный в житейских отношениях, он был редким аскетом-ученым, принесшим, вероятно, многое в жертву своей страсти — науке...»⁵, «Фигура, не укладывающаяся в наши привычные рамки, человек, преисполненный странностями, для нас необъяснимыми, чудак по натуре, иногда оригинальничавший своим чудачеством, он был полон противоречий, несогласимых на наш взгляд... До конца дней своих он остался дитятею, не научился разбираться в самых простых обыденных вещах, не мог усвоить общепринятых житейских правил, приспособиться к жизни, не мог научиться заботиться о себе, просто и бессознательно предоставляя это делать другим»⁶.

Такова необычная биография этого человека, имя которого сейчас принадлежит к числу совершенно забытых, хотя оно могло бы и должно было бы стать предметом внимательного и серьезного изучения, особенно в Сибири.

[«Сибирские огни», 1964, № 8, с. 178—181].

¹ Лопарев Хр. Самарово, село Тобольской губернии и округа. Изд. 2-е, Спб., 1896, стр. 5—6.

² См. также письмо Г. В. Юдина от 13 февраля 1897 г. «С истинным интересом прочел хронику Вашего родного села, какой не имеют даже и города. Большое Вам спасибо за образцовый труд, невольно вызывающий желание возможно широкого развития по России и Сибири таких хроник, но что, однако, составляет пока лишь одну мечту...». Архив Академии наук СССР, ф. 107, оп. 2, № 569.

³ Н. М. Кокосов, В. И. Никулин, В. И. Харин. Ханты-Мансийский национальный округ. [Очерк природы и хозяйства]. Свердловск. 1956, 104 стр. [Академия наук СССР. Уральский филиал].

⁴ «...Оба мы есть» крестьяне и посему «мужаймся за землю Русскую» — писал Лопареву в поздравительном письме по случаю его 25-летнего юбилея И. А. Шляпки. Архив Академии наук СССР, ф. 107, оп. 1, № 106, л. 55.

⁵ Сперанский М. Хрисанф Мефодьевич Лопарев [1862—1918]. «Научные известия. Сборник 2-й. Философия, литература, искусство. М., 1922». [Академический центр Наркомпроса], стр. 333.

⁶ Срезневский В. Хрисанф Мефодьевич Лопарев [1918]. Припоминания о его жизни и трудах. «Русский исторический журнал», 1917, кн. 5, стр. 341—342.

САМАРОВО

СЕЛО ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОКРУГА

Хроника, воспоминания
и материалы о его прошлом.

Х. М. Лопарев

II. Часть бытовая.

Так мы довели обзор трехвековой исторической жизни Самарова до настоящего времени и можем теперь вставить и свое слово, поскольку сохранила нам память и поскольку мы могли наблюдать за бытовой жизнью села в 1889, 1893 и 1895 годах. Сын Самарова, я хотел бы стать на точку зрения наблюдателя этого Самарова. Сожалею, что и здесь наблюдения и замечания наши не полны, отрывочны, быть может, не систематичны...

Мы выше видели, что первоначальное русское население яма состояло из ямщиков разных местностей Руси. Явившись сюда, колонизаторы края, по-видимому, с трудом уживались вместе: особенности их привычек, речи, жизни и быта, — все это давало повод к взаимному отчуждению. Как можно догадываться, население разделилось на две главных враждебных партии. Но время делало свое дело: особенности ямщиков постепенно стали сглаживаться, население яма принимать однообразный бытовой тип. Казалось бы, что вместе с этим должна была прекратиться и историческая неприязнь между группами населения, но что же мы видим на самом деле? Ямщики действительно уже не помнят о прежних раздорах, настолько ассимилировались, что составляют как бы одно родное целое; но память о чем-то таком, что переносит нас к начальным временам Самаровского яма, не умирает, переходя из рода в род между детьми. Весьма любопытна эта ребяческая война нижней части села с верхнею, между низовскими и верховскими (кибринскими) ребятами (границею служит текущая

посредине речка Самаровка). В свое время и я, низовской, принимал участие в этих драках; бывало, и мы побеждали; бывало, и нас побивали. В 1885 году низовских, говорят, считалось менее, нежели верховских. С тем большим торжеством куча низовских ребятишек гонит от себя трех-четырех кибринских, выкрикивая: «ксыля¹, верховские!». Драка иногда доходит до таких размеров, что для прекращения ее приходится вмешиваться взрослым.

Колонизаторы яма, поселившись вместе с остяками, естественно, заимствовали у них некоторые местные названия и сохранили их и доселе, не зная ничего о их происхождении. Впрочем, местных исторических названий сохранилось очень мало: так верхняя часть села, от речки Самаровки до строящейся теперь на местах прежних хлебозапасных магазинов больницы называется и поныне «Кибра»; на нижней окраине села одна местность носит название «Бараба» и близ ее «Кычимов лог»: Мы думаем, что последнее название стоит в прямой зависимости от имени татарского князя Кучума: известно, что он имел под своею властью юрты с подручным ему остяцким князем Самаром и, быть может, приезжал сюда для обозрения своих владений и для сбора ясака. Другие названия уже более позднего происхождения, напр., названия отдельных частей Самаровской горы: Паленина, Комиссарская, Мирославская, Филинова, Романова и Заводь, а также «Чирков лог». Равным образом более или менее близкие к селу местности носят почти исключительно уже русские названия: а) вниз по Иртышу к Оби, справа: Заводь, (Не-)Ведомский(мыс), Широкий лог, Коровье, Ляга, Шаньгино, (Неулева) Ушаево, Тулупково, Тренькино (нижнее устье), Тулупково (голец); слева: Поливаново, Заостровка, Каменский (песок), Березовский, Березовская протока, Богданово, Острова, Старица, Черемхово, Оноховские (юрты); б) подле горы по Неулевой: Заводь, (Не-)Ведомский, Широкий лог, Малый и Большой Черемошник, Глубокая (речка), Малая, Большая, Осинов мыс, Погребок (ложек), Макарова речка, Островочная речка и Островок, Бобровка, Шайтанская (речка), мыс Пашин, Волок; в) по Березовской протоке справа: Богданово, Протока, Острова, Старица, Долгий залив, Прямая проточка, Кривое плесо, Курсинково; слева: Подрезово, Чуркино, Марославчихино, Изголовь, Мирославчихин угол, Лобковая проточка, Чистый Яр, Островок. Местность вверх по Иртышу и по протоке для меня менее знакома, но и там также чаще встречаются русские названия.

Заводной мыс называется также Кладовым. В прошлом столетии Г. Фр. Миллер видел еще на нем развалины остяцких построек: но в сравнительно новое время стала ходить легенда, что там скрыт клад, что три смельчака подымались на мыс с намерением откопать сокровище, но одного из них чуть не засыпало землею, и с тех пор будто бы никто не решается производить раскопки. Более реальным кладом надобно считать клад, найденный в 1860-х годах выше хлебозапасных магазинов: в корчаге, вымытой из земли и разбитой иртышскими волнами, оказалась целая масса «крестовиков», серебряных рублей времен императрицы, весом в 1 п. 15 ф.; и теперь еще можно кой у кого встретить эти монеты.

До половины 70-х годов Самарово представляло из себя кучу разбросанных без всякого порядка изб, так что трудно было найти и улицы, которой строго говоря и не было; приезжие удивлялись и говорили: и видишь дом, а не знаешь, как попасть к нему. Нечего и говорить о том, как разбросаны были избы в прежнюю пору — в прошлом столетии и даже напр. в 30-х годах нынешнего века. Говорят, что в старое время, очевидно, не позже XVII столетия, ямщики жили ближе к нынешней паровой пристани, а на месте теперешнего села стоял лес, который постепенно срубался и тут же шел на постройку изб; старики помнят еще время, когда некоторые крестьяне, живущие теперь в

¹ Возглас при погоне коров.

середине села, имели свои избы на Барабе, теперешней его окраине. В последнее десятилетие, с увеличением народонаселения, территория села стала расширяться опять по старому пути — по направлению к Барабе и паровой пристани, ибо в противоположную сторону нет удобного для поселения места, сильно подмываемого быстротою Иртыша.

Дома, встарину по большей части одноэтажные, исключительно деревянные, из толстого кедрового дерева, за два последние десятилетия стали строиться обыкновенно в два этажа; у богатых они обшиты тесом и обтянуты обоями, у остальных просто изнутри отесаны и подстроганы. У лиц среднего имущественного класса дом состоит из двух частей — избы и горницы, отделяющихся сенями. Изба — жилье обычное, черное и не достаточно светлое; горница же отличается чистотою, опрятностью и большим светом: в ней чаще принимают гостей и сравнительно мало живут. Лучшие по красоте дома: В. Тр. Земцова, Муриных, купленный по смерти хозяев И. А. Богатовым и завещанный им в пользу села, Шейминых, Кузнецовых и Власовых. Дом Власовых, по уходе владельцев из села, пришел в крайнюю ветхость и долго стоял необитаем. И. А. Богатов, а потом я, хотели купить его для перестройки своих домов, но по разным причинам не могли этого сделать: наконец в 1894 году дом этот был разобран и увезен. В последнее время появились еще красивые дома А. Е. Корепанова, О. К. Соскина, К. А. Ершова и других.

Почтовое отделение, как было сказано выше, сначала помещалось неподалеку от церкви; «отделенным» в 50-х годах был Бабин. Затем был наконец построен особый почтовый дом на верхнем краю села, пониже кладбища. В 60 и 70-х годах «отделенным» был И. С. Сабанский, которого мы хорошо помним. Это был добродушнейший старичок — поляк с удивительною по доброте женою. К сыну их Антону я иногда забегал в гости, а затем в Тобольске, куда Сабанские переехали ради воспитания сына в гимназии, я очень часто ходил к ним в отпуск. После Ивана Станиславича «отделенным» у нас был П. А. Носырев, переведенный потом в Демьянское, где он служит и доселе; сам по себе он был человек хороший, но у него была бедовая супруга. После Носырева некоторое время отделением заведывал г. Пономарев, жестоко обращавшийся со своею женою, переведенный потом в Тобольск и здесь зарезавший свою третью жену¹. После Пономарева «отделенным» назначен Андрей Федотович Мамонтов, милейший человек, служащий и по настоящее время. — Ныне поднимается вопрос о срочном паровом сообщении между Самаровом, Березовом и Обдорском. Давно было пора заменить человеческий труд и лодку на 1000-верстном пространстве, а теперь эта потребность становится положительно чувствительной. Управление, почта, экономическое состояние далекого края, наконец торговое дело — все это должно будет выиграть от введения здесь парового сообщения.

Питейное заведение, сколько я помню, помещалось сначала в доме В. Тр. Земцова; тут же находился склад вина и спирта А. Сыромятникова. Потом кабак был переведен в другое место и склад спирта уже стал носить имя Земцова. Отделением для продажи разного рода наливок была у него лавка на паровой пристани. Затем питейным делом в Самарове занялись еще Шеймины. Как в старое время, так и поныне, кабак служит самым многолюдным и оживленным местом в селе. Лишь ночью в нем и около него тихо, а то и в будни и в праздник нет недостатка в шуме и гаме его посетителей. В кабак и к кабаку идут, бывало, даже лица не пьющие; здесь собирались да и теперь еще собираются и просто для того, чтобы потолковать о своих крестьянских делах. До 1894 года продажа питей находилась в руках частных лиц, но затем кабак перешел в общественное достояние, почему отделение

¹ Ср. «Гражданин», 1893, 23 августа, № 231.

Земцова на пристани было закрыто. Выручаемая чистая прибыль от продажи вносится в Волостное Правление, и сходка решает, куда употребить эти деньги, на уплату ли подушной подати, или на другие нужды.

«Волостное Правление» ничем не отличалось от других домов. Это было низкое одноэтажное, длинное здание с как-то вогнувшейся от времени крышею. Здесь под навесом стояла пожарная машина, редко употреблявшаяся в дело, в большинстве же случаев крестьяне являлись на пожар с определенными орудиями: кто с топором, кто с вилами, кто с лестницею, кто с шайкою (ведром или тазом с рукояткою), и каждый дом должен был иметь прибитым на виду изображение на жести или на дереве того и другого орудия, с которым крестьянин обязан являться на пожар. Внутренность Волостного Правления делилась на три части: сени или преддверие, где лестница вела на вышку (чердак) и где стоял ушат с водою, затем большая комната с двумя местами заключения (чижовкою) по обеим сторонам от входа, с громадною печью, лавками вдоль стен, большим столом в углу под образами и пачками старых дел на полках, начиная с 40-х годов: здесь собиралась волостная или мирская сходка (сход). Эта комната небольшою дверью соединялась с другою комнатою, где висел портрет Государя, где находились законодательные книги, дела, казначейство, и где собственно заседал административный персонал: голова, староста и писарь; десятники и каморник участия в делах не принимали и были только служителями: десятники созывали крестьян на сходку, а каморники присматривали за заключенными. На шумных сходках произносилось наказание виновным (телесное и др. наказания исполнялись тут же, на глазах у всех), делалось запрещение, обязательное для всех и каждого, напр., до определенного дня собирать кедровые шишки, косить траву, рубить лес, ловить птиц и пр.; выдавались паспорта, увольнительные от общества свидетельства и скреплялись акты о приеме лиц, приезжавших сюда для поселения; сюда приносились жалобы и велись тяжёбые дела; здесь назначали понятых и ямских лиц для отвоза чиновников с делами до ближайших деревень Манойлова или Шапши; отсюда выдавалось жалованье и сюда же сносились обывательские деньги по ревизским сказкам; другими словами, все правовые отношения в жизни Самарова обсуждались сначала на сходке, а затем проводились в самую жизнь. Ближайшая высшая административная инстанция села — заседатель, живет в Демьянском; он контролировал волостные постановления и следил за общественным порядком. Но самое важное лицо в администрации — исправник, жительство которого в Тобольске; рапортами он доносил губернатору о состоянии села, о его нуждах и вообще являлся первым начальником Самарова, бесконтрольным и ответственным только перед губернатором. — В конце 80-х годов старое здание Правления было сломано и взамен его на другой стороне улицы, наискосок, построен новый небольшой дом в три главных комнаты. — Персонал администрации пополнился: правда, «волостной старшина» появился на место «волостного головы», но зато чиновник по крестьянским делам, дарованный Самарову (резиденция его в Тобольске), есть новая величина. Компетенция его выше власти Волостного Правления. Что касается, например денежных дел, то дело в 100 р. решается Правлением, но для решения дела в 101 р. требуется компетенция уже крестьянского чиновника.

* * *

¹ Для знания администрации вообще всех Волостных правлений, ср. Сборник постановлений для руководства Волостных и Сельских управлений. Сиб. 1853.

Если мы после всего этого скажем несколько слов о церкви и об училище Самарова, то, кажется, исчерпаем вкратце весь вопрос о жизни села в 60—70-х годах настоящего столетия. Очевидцы рассказывали мне, что при подъеме большого колокола главный канат оборвался и колокол некоторое время держался на тонкой веревке. Церковь обнесена каменной оградой, внутри которой находится несколько могил и вне которой, на склоне Комиссарской горы, стоит кладбище преимущественно для лиц богатых. Зимняя церковь Покрова пресв. Богородицы имеет два придела — во имя Знамения и св. Николая Чудотворца. Здесь особенно обращают на себя внимание две иконы Знамения Богородицы, громадных размеров, украшенные дорогими ризами; одна из них древнего письма на холсте, находилась, кажется, еще в деревянной церкви и, вероятно, во время пожара была в одном месте прожжена. По словам И. Гр. Кузнецова, она принадлежит к числу явленных: еще в прошлом столетии она была предназначена и везена в Иркутск для одной из тамошних церквей, но когда она прибыла в Самарово, то несмотря на трехкратные попытки везти ее далее, подымалась страшная буря и плыть казалось невыносимым; это обстоятельство и послужило для жителей знаменем, что иконе Знамения Богородицы надлежит пребывать в Самарове. И действительно, она украшена многими серебряными приношениями, свидетельствующими об исцелениях людей, прибегающих к ней с верою. Икона нового письма (г. Знаменского) в летнее время отодвигается и открывает вход в летнюю церковь, высокую и светлую. Последняя не может вместить в себе всех молящихся, почему большинство и летом стоит в зимнем помещении, на паперти и даже на крыльце. В церковной сторожке, маленькой комнате с двумя выходами в церковь и на паперть, живут постоянно два трапезника, которые возжигают свечи и следят за чистотою храма. Стены сторожки испещрены кровавыми клопинными пятнами; тут же висят две сабли, которыми трапезникам приходится де бороться по ночам с воинствующими покойниками; глупые ребята, мы верили выдумкам и исполнились страхом. В 1678 г. священствовал в Самарове поп Епифан Яковлев; при нем дьячек Максим Михайлов и пономарь Иван Яковлев; позже Данила Яковлев с дьячком Василием Федоровым и пономарем Степаном Семеновым; в 1739 г. дьяконом был С. Н. Булатников; в 1743 г. протопоп Гавриил Максимов, в 1753 г. протопоп Алексей Семенов, в 1769 г. свящ. Наум Логинов, в 1782 г. вдовый поп Серебренников и дьякон Гавриил Наумов; в 1808 г. два священника: Петр Протопопов и Федор Ильиных с дьячком Ефимом Наумовым и пономарями Андреем Фирсовым и Егором Логиновым; в 1814 г. свящ. Огороков с дьячком Першуковым. В сороковых годах священствовал о. Матвей Яковлевич Овчинников... за ним следовал о. Стефан Лукианов, человек ученый, кажется кандидат богословия, но нетрезвого и буйного поведения, которым были недовольны жители. Преосвященный Георгий (1852—1856), бывший два раза в Самарове, призывал к себе о. Стефана и усовещевал его; последний вел себя совсем грубо и развязно, злился и уходя однажды от епископа, сильно хлопнул дверями. Преосвященный произнес: «Что мне с собакою делать? неученый дурак — просто дурак, а ученый — дважды дурак». На место о. Стефана был назначен о. Димитрий Тихонравов, человек сварливый, вооруживший против себя все население.

На мирском сходе была составлена бумага на имя преосв. Евлампия, в которой жители Самарова просили назначить на место о. Димитрия другого священника. Приговор этот вез в Тобольск крестьянин одной деревни Федор Федорович, по прозвищу Бова. В городе Бова хотел остановиться на одной квартире с Ив. Гр. Кузнецовым, но последний посоветовал ему найти особое помещение, так как о. Димитрий, прибывший в Тобольск, остановился на одной с ним квартире. Бова так и сделал. Тихонравов, узнавший о жалобе

и о том, что она находится в руках у Бовы, во время обеда допытывался, где остановился Федор Федорович, но Кузнецов отвечал, что не знает. «И ты подписался?», — спросил о. Димитрий Ивана Григорьевича. — «Подписался». — «Чем же я не хорош?» — «Да как? если весь мир подписался, значит и я тоже был не против». У преосвященного Евлампия в 1859 году сошлись однажды каждый по своим делам два священника — о. Димитрий Тихонравов Самаровский и о. Нестор Вергунов Липовецкий (около Тюмени). «Вот твой преемник», — сказал епископ Димитрию, указывая на Нестора. Тихонравов уехал к староверам, где и погиб. В описываемое время причт церковный составляли: священник, о. Нестор Иванович Вергунов (с 1859 г.), который и поныне служит в церкви, уже более 35 лет; диакон, сначала Петр Сосунов, который потом был рукоположен во священника и служил в Карачине (близ Тобольска), затем Македон Иванович Тверитинов, сын Юганского священника, рукоположен позже во священники, оставивший Самарово и скончавшийся в конце 70-х годов; дьячек Николай Петрович Наумов и наконец пономарь Федор Михайлович Пономарев, умерший также в конце 70-х годов. В настоящее время причетником состоит М. Н. Наумов. Дьячек пел с несколькими лицами на правом клиросе, пономарь — на левом; трапезник звонил на колокольне; иногда я подавал кадило батюшке. Многие из жителей умеют удивительно гармонично звонить в колокола, и надо быть в селе в Пасху, чтобы слышать всю прелесть музыкальности трезвона; ничего подобного я не слышал потом не только в Тобольске, но и в Петербурге и в Москве. Дар купца Котовщикова, большой колокол весит более пятидесяти пудов и отличается чрезвычайною гармоничностью. Я только раз благовестил и трезвонил на родной колокольне и, конечно, довольно неумело. О. Нестор служит так, как редко где служат, — с благоговением, простотою, и вместе с тем важностию, со строгостию, установленною церковными правилами, и без какой бы то ни было поспешности. Не смеют на клиросе пропустить ни ноты из всенощной, заутрени или литургии; никто, после его замечаний, не дерзнет уже прочитать шестопсалмие или какую-либо молитву не только в сокращении, но хотя бы даже и с небрежною торопливостью. Сургутский уроженец, воспитанник Тобольской духовной семинарии, о. Нестор был товарищем видных людей: покойного преподавателя латинского языка в Тобольской гимназии Македона Ивановича Емельянова и профессора канонического права в Московском университете, ныне здравствующего Алексея Степановича Павлова. Самаровская церковь в 1864 году была реставрирована, в 1874 оштукатурена сызнова.

Церковный причт, начиная со священника и кончая дьячком, участвовал в преподавании в училище. Училище помещалось около церкви, в сажнях пяти от часовни св. пророка Илии. Это был маленький одноэтажный домик с двумя отделениями: передней, где стоял огромный ларь с березовыми розгами, и собственно классной комнаты с длинными столами и скамейками. На печке этой комнаты почти постоянно лежал слепой старичок Трофим Яковлевич Козлов, из ссыльных солдат. Этот человек учил нас азбуке: аз, буки, веди, глаголь, добро... кончая ижицею, причем мы должны были иметь в руках «указки», и вообще он руководил нашим обучением. Читаешь, бывало, с указкою в руке псалтирь и произнесешь слово неправильно, — тотчас с печки слышится наставнический голос Трофима Яковлевича. Зашумим ли в училище сверх меры, раздразим ли старика, Трофим Яковлевич спускался с печки и размахивал палкою по комнате; причем летели на пол книжки и чернильницы. Жалованья он не получал и довольствовался добротными подаваниями: хлебом, пищею и питием. В училище кроме того были еще «старшие» и «дневальные», у которых мы, мелюзга, в отсутствие учителя могли отпрашиваться «до ветру». Они «прослушивали» наши «проучки» и если мы знали не твердо, заставляли учить еще. Моим старшим был

одно время Косма Абрамович Ершов, бывший несколькими только годами старше меня, человек дельный и способный, состоящий ныне писарем в Волостном Правлении. Он не раз заставлял меня учить один и тот же псалом, пока я не научился читать его внятно и правильно. Во время урока Закона Божия царила мертвая тишина. Все должны были собираться до прихода священника, и горе тому, кто опаздывал. Самое легкое, если его ставили на колени у печки или на скамейке; обыкновенно же опоздавшего драли за уши и давали плюхи мощною рукою, или били линейкою. Так, бывало, двинут тебя, что прямо летишь под стол. Лентяя разлагали у печки и один или двое, смотря по вине, с двух сторон пороли розгами тут же, на глазах у всех, и лишь изредка в передней. Неспособных кроме того еще держали за голову, за руки и за ноги. После порки сидишь бывало, как в огне и на огне. У отъявленных лентяев были в ходу поговорки: «...оита, ижица: плеть к г. з. у близится», или: «...не сулейка (стеклянка), не разобьется». Нас драли за все, за всякую мелочь: сломаешь ли грифель — пороть, разобьешь ли стекло — драть, не приготовишь урока — порка, опоздал — заушение, неправильно сложил писчую бумагу, так что фабричное клеймо оказалось назади внизу, — на колени. Особенною свирепостью отличался о. дьякон Петр Сосунов, которого я, к счастью, уже не застал; лица, учившиеся при нем, находили, что после него школьники вздохнули свободно; воображаю, что это было за время. Тяжелую школу прошли мы, но слава Богу, никто не поминает лихом это старое время. Закон Божий, то есть Ветхий и Новый Завет, краткий Катихизис и основные понятия о богослужении знали все твердо, ибо о. Нестор умел вести свое дело. Каждый из нас учился до тех пор, пока мог: осенью мы поступали, весной нас распускали, за лето мы многое позабывали и с новою осенью, если родители отпускали нас в училище, мы снова принимались за прежнее, и не было предела учению. Из училища не исключали за лень, буйство, или неспособность, а заставляли учиться, и каждый из нас был отрываем из школы вследствие нужд хозяйственных, без всяких свидетельств, но с твердым знанием св. Писания, четырех правил арифметики, чтения (по славянски), и письма; впрочем школа старого времени не могла научить нас писать правильно. В 1870 году купец Н. Гр. Шеймин взял из нашей среды своего сына Петра и отвез его в Тобольскую гимназию. Это был первый пример такого рода. На лето Петр Николаевич приезжал на родину в гимназической форме, с кепью на голове, весьма сходною с солдатскою. Зависть брала меня, глядя на него, и страстно хотел я носить такую же кепь. Снимая с гряд картофель, или копая землю, я видел, как уезжал сын купеческий на пароходную пристань. «А, он туда... учиться... в Тобольск... эх!», — думал я; но что мог сделать отец купец, о том не мог и подумать тятенька. Церковный, с легким казарменным оттенком, период школьной жизни, когда училище находилось вне всякого высшего контроля, продолжался до 70-х годов. Теперь преподавание было поставлено на иных и гуманных началах; повеяло новым духом... В училище получили доступ девушки, в Самарово прибыла учительница Марья Александровна Федорова¹, которая учила нас уже не: аз, буки, веди, а: а, бе, ве; учила нас не часослову и псалтири, а «Родному Слову» Ушинского, грамматике, заучиванью наизусть стихотворений, письму, арифметике и черчению географических карт. Трофима Яковлевича и указок уже не стало, о. Нестор стал более мягким, розги исчезли из ларя и дьякон Македон Иванович и дьячек Николай Петрович уже не посещали «Самаровское сельское приходское училище». После Федоровой учительницей была Анна Константиновна и за нею Марья Денисовна Венгерская; в 1872

¹ Позже она была акушеркою в Тобольске.

году преподавание было поставлено у нас на такую же ногу, как оно стоит и теперь повсюду в сельских школах. Материальную поддержку училищу оказывал Н. Гр. Шеймин, которому Генерал-Губернатор объявил публичную благодарность¹. В это время заучиванье наизусть разных стихков, видимо, действовало на наше воображение и побуждало, например, меня испробовать и свои силы в этом роде. Стихи, сочиненные мною совместно с другом детства Евстохием Васильевичем Земцовым, погибли бесследно, но осталось одно стихотворение «Мальчик», которое сочинено было мною одним в 1871 году, то есть, когда мне было 9 лет. Вот эти стихи: «В малолетстве я остался от родных своих, от родных своих остался безприютной сиротой; но добрые люди меня не забыли, взяли на руки свои. Малолеток, я, безумный, Христа ради я тут жил, но когда пришел я в возраст, то я вспомнил об родных. Тяжело мне стало, горько, но возвратить было нельзя». Странно, что я сочинил стихотворение на совершенно ложной основе: мои родители тогда здравствовали и я не жил в чужих людях Христа ради; изучая стихи, видел ли я в них пустую выдумку, которой в душе однако не верил, но которой подражал, или что-либо иное, не знаю.

Огромное большинство населения в Самарово все еще не грамотно, но понимает, всю важность и значение, многозначительно повторяя пословицу «ученье — свет, неученье — тьма»; но без сомнения, школа скоро сделает свое дело, и тогда поубавится много суеверий, предрассудков и первобытной косности. Из них ворожба занимает далеко не последнее место: случится ли покража, потеряется ли скотина в лесу, потерпевшая хозяйка прежде всего идет к гадалке на картах; приедет ли старуха-остячка, ей протягивают руку, желая знать о своей будущности. Так, однажды в конце 70-х годов, когда приехала к нам остячка-знахарка, мать моя просила ее погадать обо мне. Старуха посмотрела на меня, потом взглянула на ярко блестящее солнце и изрекла: большой он будет человек. Были в Самарове заговорщики крови, заговорщики зубной боли; некоторые слыли за одаренных нечистою силою, т. е. умевших присушить молодца к девице и наоборот; но что-то не было слышно об их успехах в деле обвораживания двух полов по заранее данному заказу.

Самаровцы — вообще народ бережливый, и кто не пьет, умеет беречь копейку: где-нибудь в «лопоти» у него в сундуке нет-нет да и найдутся кредитные билеты. Желание иметь вместо серебра и меди бумажки вполне понятно: оно и легче хранить, да и труднее тратить. Но вот какой однажды вышел прискорбный случай. Павел Корепанов (Киприянов), имевший получить с И. Гр. Кузнецова 30 рублей, требовал уплаты непременно кредитными билетами, но Кузнецов давал ему медными и серебром. Киприянов позвал Кузнецова в Волостное Правление, однако суд не мог приневолить плательщика к уплате долга бумажками, и Киприянов получил деньги медными монетами. Впрочем ему удалось где-то разменять эти деньги на кредитные билеты. Завернул это он их в засаленную бумагу и спрятал. И что же? К великой его горести, мыши, почуяв сало, набросились на бумагу и вместе с нею съели и весь капитал крестьянина.

¹ Тобольск. губ. вед., 1878, № 36, стр. 1.

СИБИРЯКИ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Ю. П. Прибыльский, профессор Тобольского педагогического института им. Д. И. Менделеева, доктор исторических наук.

МНОГОТРУДНУЮ историю России венчают, словно горные вершины, героические деяния ее народов. Величайшим проявлением силы и крепости россиян служит историческая победа, одержанная над полчищами всемогущего Наполеона. В 1812 году император Франции, выражая алчные стремления национальной буржуазии к мировому господству, вознамерился силой пленить и офранцузить все человечество. Окрыленный блистательными успехами в Европе, он рассчитывал преумножить их в Российском варианте, используя поработенную Россию, как трамплин для прыжка через Кавказ в благодатную Индию. Британское владычество рухнет, уверял Наполеон, как только французская шпага коснется вод священного Ганга.

Честолюбивые амбиции и агрессивные действия Наполеона обернулись трагическими последствиями для его соотечественников, соблазненных богатствами России. Ее народы ответили на вторжение французов всеобщей Отечественной войной. Понятие Отечественная раскрывало подлинную сущность, справедливые цели, всенародный характер великой эпопеи. Идеи защиты Отечества, воспринятые и усвоенные россиянами, побудили их к решительному противодействию захватчикам. Угроза возможного порабощения извне, приглушив внутренние распри, объединила и сплотила различные классы, сословия и национальности страны в едином порыве отстоять и спасти от лихих супостатов Родину-мать. Московский генерал-губернатор граф Ф. В. Растопчин, обращаясь к Александру I,

подчеркивал, сколь неисчислимы силы народного сопротивления: «Царь грозен в Москве, страшен в Казани, непобедим в Тобольске». По его разумению, Тобольск был призван возглавить борьбу до победного конца в случае временной утраты центра России. К счастью, крайний прогноз не оправдался, что не умаляет ведущей роли Тобольска в сплочении сибиряков на отпор врагу.

Россия жестоко проучила завоевателей, посягнувших на ее честь, свободу и независимость. Вторжение великой и непобедимой армии Наполеона, предпринятое 12 июня 1812 года, завершилось спустя пять месяцев ее бесславным поражением и полным изгнанием с российской земли. Кутузов переборол Наполеона. Возобладал свойственный россиянам принцип возмездия, о котором поминал Александр Невский: «Кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет».

За минувшие 180 лет воссоздана достоверная и впечатляющая документальная, научная и художественная летопись Отечественной войны, немеркнущий подвиг народа-победителя увековечен в гениальном творении Льва Толстого «Война и мир».

Однако, природа такого сложного явления, каким была народная эпопея, поистине безгранична и неисчерпаема, — она доселе таит немало сюжетов, требующих внимательного изучения. В историографии войны весьма скупо и поверхностно представлена Сибирь. Отдельные, разрозненные факты, приведенные в краеведческой литературе, не дают целостного представления об участии сибиряков в защите Отечества. Единственным примером связного изложения темы служит, пожалуй, брошюра омского историка В. И. Стрельского «Сибирь в Отечественной войне», опубликованная малым тиражом полвека тому назад и представляющая ныне библиографическую редкость.

Несмотря на скудость источников, их содержание позволяет судить, какова роль Сибири в достижении победы над врагом. При этом надобно учитывать специфику ее развития накануне и в пору войны: обширность, отдаленность, труднодоступность и необжитость территории, сложный этнический и социальный состав коренного и пришлого населения, сравнительная отсталость экономики и культуры. Упомянутые трудности серьезно ограничивали возможности сибиряков воздействовать на ход войны, однако не исключали их делового, активного, заинтересованного участия в общероссийском патриотическом движении в помощь фронту.

Вести о нашествии Наполеона, проникнув в глубь Сибири, возбудили гнев и возмущение ее жителей, готовых помочь Родине в час грозных испытаний. Сибиряки считали наипервейшим долгом обеспечение действующей армии полноценными боевыми резервами, оказание материальной помощи и моральной поддержки воинам-фронтовикам. К началу войны в армии состояло 27 тысяч сибиряков. Основным источником пополнения войск служил рекрутский набор молодежи на бессрочную солдатскую службу. В условиях войны квота набора была повышена вдвое и установлена в соответствии: пять рекрутов от каждых пятисот ревизских душ. Откуп от воинской службы в размере 2,5 тысячи рублей был доступен обеспеченным, состоятельным людям. Тяготы рекрутчины ложились на семьи старожилов-крестьян, ремесленников, мещан, которые лишались подчас единственного кормильца. «Я видел, — доносил царю сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель, — сколь разорительна была повинность сия для жителей, многие из которых теряли последних своих работников. В итоге всех жертв многие жители доведены до крайней степени изнурения». И все-таки задания по набору были значительно превышены — составили семь рекрутов от каждых пятисот душ. Тобольская губерния благословила на военную службу 2152 рекрута, Томская — 747, Иркутская — 653. 3552 новобранца дополнили личный состав сибирских пехотных, кавалерийских и артиллерийских частей и подразделений действующей армии. Таким образом, общая численность солдат и офицеров, направленных из Сибири на фронт, превысила 30 тысяч человек — цвет народа, его молодое поколение. Многие, из них, погибнув на поле брани, так и не вернулись домой.

Врагу напрямую противостояли не только войны регулярной армии. Вынужденное отступление русских войск побудило к созданию в их тылу второй линии стратегической обороны с привлечением военизированных гражданских формирований. В пору войны с новой силой возродилась славная народная традиция: с оружием в руках отстоять и спасти Отечество от поругания и кабалы. 6 июля 1812 года Александр I обратился с манифестом к верноподданным гражданам России с призывом вступать в народное ополчение. Однако власть придерживающие, допустив вооружение народа, втайне опасались его чрезмерного распространения и нежелательных социальных последствий. Особую тревогу внушала Сибирь, куда стекались явные и скрытые противники самодержавия и крепостничества. Новый манифест царя, обнародованный в середине июля, ограничивал прием в ополчение пределами шестнадцати губерний, расположенных в центре страны. На Сибирь был наложен своеобразный мораторий по мотивам ее отдаленности и малолюдности.

Причины запрета крылись в ином — боязни вручить оружие тем, кто способен использовать его в целях, враждебных господствующему режиму. Государственный совет страны, обсудив 4 сентября 1812 года политическую ситуацию в Сибири, отметил, что ее наводнили ссыльные поселенцы и беженцы, «нравственность коих весьма неблагонадежна». Не внушали доверия властям крепостные и дворовые люди, бездомные бродяги, вероотступники, военнопленные, иные крамольные элементы. Тобольский губернатор фон Брин в рапорте сибирскому генерал-губернатору доносил: «Имел опасения в связи со сбором ополченцев... не оставил особенности подтвердить городничим и земским судам, чтобы установленный порядок, тишина и спокойствие между жителями пребыли без малейшего нарушения». Фон Брин разъяснял, что вызов желающих послужить Отечеству не может распространяться на дворовых и помещичьих крестьян, коими располагают их владельцы.

Истинные патриоты, преодолевая каверзные препоны, чинимые блюстителями порядка, пополняли ряды народного ополчения, на личные средства добирались к местам его формирования в Москве, Петербурге и Казани. В числе добровольцев преобладали крестьяне, мещане, чиновники, отставные военные. Из больших семей уходило служить по несколько взрослых сыновей. Публичная запись добровольцев проводилась на городских и сельских сходах при массовом стечении заинтересованных граждан. Так, сход в селе Абалак Тобольского округа, который привлек 395 крестьян, объявил о их поголовном вступлении в ополчение. В числе первых записались: Максим, Федор, Андрей, Семен, Денис Трушниковы, Алексей Никифоров, Карп, Михайло, Иван, Петр Долгушины, Григорий, Иван Измайловы, Петр, Константин Соболевы, Семен, Дмитрий, Андриан, Степан Рябковы, Осип, Аверьян, Никифор, Егор, Алексей Дубовы... Столь же охотно стремились в ополчение жители Тюмени, Ишима, Ялutorовска, иных самых отдаленных мест. Тех, кто шел в ополчение, в Сибири именовали без тени преувеличения жертвенниками. И было за что. Вот лишь один пример самопожертвования. Будущий декабрист Штейнгель, кого война застигла на службе в далекой Восточной Сибири, оставил на попечение родителей беременную жену и малолетнюю дочь, добрался в столицу, добился зачисления в дружину народного ополчения Петербурга, затем перевода в действующую армию. Подобные благородные поступки не составляли исключения.

Из числа тех, кто стремился в ополчение, предпочтение отдавали наиболее достойным благонамеренным гражданам. Среди 520 ополченцев Тобольской губернии насчитывалось 395 крестьян, 83 мещан, 37 чиновников, и 5 лиц прочих сословий. Многие из них, сумев угодить в регулярную армию, преуспели в боевых действиях на фронте. Народное ополчение, будучи опорой и резервом вооруженных сил, содействовало их успешной борьбе с агрессором.

Велика роль Сибири в укреплении военно-экономического потенциала страны. Потребностям войны служили природные, материальные, финансовые

ресурсы края, ведущие отрасли производства: горная, лесная, кустарная промышленность, сельское и промысловое хозяйства, судостроение, речной и конный транспорт. В пору войны значительно возросли поставки и продажа государству золота и серебра, цветных металлов, древесного топлива и сырья, строительных материалов, транспортных средств — конского поголовья, одежды и обуви, пушного меха, шерсти и кожи, зерна, мяса и рыбы.. Казну пополняли многочисленные обременительные налоги с населения.

Дополнительным источником средств, столь необходимых для войны, служили добровольные пожертвования граждан. Испытывая повседневную нужду элементарных жизненных благ, сибиряки бескорыстно делились куском хлеба насущного, вносили на алтарь победы скромные сбережения, личные и семейные ценности. Активное участие в сборе средств принимали вместе с русскими людьми сибирские татары, буряты, якуты, манси, ханты, иные аборигены Сибири. Наличные деньги, ценные бумаги, драгоценные металлы, ювелирные изделия, пушной мех, сукно, холст, пряжа, нитки, — таков неполный перечень того, что жертвовали в национальный фонд обороны жители Тобольской губернии. Ишимский округ, опередив соседей, собрал наличными 40730 рублей, Тюменский — 22755, Ялуторовский — 13637, Березовский — 1123 рублей. От населения Тобольского округа поступило 27440 рублей, а сверх того — 9 фунтов серебра в слитках и ковш серебряный с позолотой. Из многих поступлений сложилась внушительная сумма. Общий взнос жителей губернии с июня по декабрь 1812 года достиг 168611 рублей, что равнялось стоимости денежного содержания крупного воинского соединения.

Защитники Отечества черпали в народе силы, необходимые для успешной борьбы с опытным и грозным противником. Кровавопролитные оборонительные и наступательные сражения, в которых участвовали сибиряки, показали их воинское умение, стойкость и мужество. Укомплектованная сибиряками 24-я пехотная дивизия под командованием генерала Лихачева, оборонявшая Смоленск, нанесла чувствительный урон французам, замедлив их продвижение к Москве. 26 августа 1812 года, когда разгорелось генеральное сражение на Бородинском поле, сибиряки держали смертную оборону в его центре, там, где размещалась батарея Раевского. Кавалерии противника под командованием генерала Брусье удалось, обогнув правый фланг обороны, проникнуть во внутрь нее. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка пехотинцев и конников, обе стороны несли большие потери. Генерал Лихачев, воодушевляя солдат личным примером, поднимал их в штыки и, получив несколько ран, скончался от потери крови.

Дальнейшее руководство боем приняли на себя командиры полков. Атаки противника, следуя одна за другой в течение всего дня, не принесли ему желаемых успехов. Сибиряки удержали позиции ценой большой крови. Томский пехотный полк, выдержав натиск превосходящих сил, потерял к исходу боя 26 августа, половину численности солдат и офицеров. Тобольский пехотный полк, построенный в каре, отбил шесть атак французской конницы, потеряв убитыми, ранеными и пропавшими без вести 415 рядовых и командиров — каждого второго воина. 18 наиболее отличившихся офицеров заслужили правительственные награды. Сохранились документы с описанием их ратных подвигов.

Прапорщики Антипов и Морсочников были награждены орденами святой Анны третьей степени. Как указано, в представлении, «26 августа при деревне Бородино, когда неприятельская кавалерия жестоко делала нападение на каре, то они с неустрашимой храбростью, будучи всегда впереди фронта, поощряли нижних чинов, причем Морсочникову оторвало правую ногу, Антипову оторвало у правой ноги след». Капитану Моисееву вручили золотую шпагу за то, что в бою «с отличною храбростью содействовал удержанию неприятельской кавалерии, через что понудил оную к отступлению, причем был ранен в правую ногу». Почетное оружие заслужил и поручик Киселев, который будучи командирован со стрелками для удержания неприятельских стрелков, и следующих за оными

конной артиллерии, и кавалерии, покусившихся обойти каре, каковое поручик исполнил с отличной храбростью до того времени, пока не подоспела наша кавалерия, после чего неприятель был опрокинут».

Иркутский и сибирский драгунские полки участвовали в поединке с французской конницей на ключевом участке обороны близ Курганной батареи. По свидетельству командующего 1-й Западной армии Баркляя де-Толли, то была «кавалерийская битва из числа упорнейших, когда-либо случившихся».

Участники Бородинского сражения развеяли миф о непобедимости армии Наполеона и предрешили ее неминуемую гибель. В их честь на священной земле военно-исторического музея-заповедника Бородино воздвигнуты 34 памятника воинской славы — по количеству частей, принимавших участие в генеральном сражении.

Бородино явилось началом конца военно-политической авантюры Наполеона. Овладев Москвой, он был вынужден вскоре бежать из нее, спасаясь от пожаров, учиненных горожанами, дабы выкурить прочь незванного пришельца. Покидая Кремль, окрест которого бушевало испепеляющее пламя, Наполеон с недоумением и горечью восклицал: «Какая жестокая решимость! Какой народ! Какой народ!».

Сибирские полки по достоинству разделили славу трех русских войск, которые изгнали остатки противника за пределы России, освободили из под власти Наполеона народы Европы и Франции. Все активные участники Отечественной войны были отмечены серебряными и бронзовыми медалями «В память Отечественной войны 1812 года», «За любовь к Отечеству». Награды заслужили строевые солдаты и командиры, ратники ополчения, представители дворянства, купечества и духовенства.

Война обескровила Россию и Францию, загубив их бесценный генофонд — молодежь, искалеченную и погибшую на поле брани. Плачевные итоги авантюры, затеянной Наполеоном, служили суровым предостережением любителям поживиться богатствами России. По словам Пушкина, «Никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который сам себе рубит руки и жжет свою столицу!». К сожалению, урок, преподанный россиянами Наполеону, пошел не впрок его безрассудным последователям, авантюристам XX столетия.

Через 130 лет после краха Наполеона его примеру последовал Гитлер. И вновь Бородино призвало сибиряков постоять за Москву. В октябре 1941 года на Бородинском поле держала оборону 32-я сибирская Краснознаменная стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина. Воины ружейным и артиллерийским огнем сдерживали наступление фашистов, наносили им ощутимые контрудары. Коллективное мужество сибиряков достойно оценил командующий Западным фронтом Г. К. Жуков: «Дивизии пришлось скрестить оружие с врагом на Бородинском поле, том самом, что является святыней, бессмертным памятником русской военной славы. Ее воины не уронили этой славы, а преумножили ее». На том же священном поле бились с фашистами воины 82-й Краснознаменной мотострелковой дивизии, прибывшей из Монголии. Огневой заслон позиций поддерживали артиллеристы дивизиона под командованием тоболяка Петра Пономарева. На их счету — десятки уничтоженных танков и автомашин.

Горько сознавать, что Бородино, где решалась судьба Отечества, подвергается нашествию новоявленных, доморощенных завоевателей. Предприимчивые дельцы, лишенные стыда и совести, возводят на священной земле, политой кровью героев, хоромы и усадьбы, губят живительные корни, питающие народную память. Разбой среди бела дня происходит с ведома и молчаливого согласия столичных властей, ратующих на словах за возрождение Российского могущества. История по справедливости осудит тех «обновителей» России, которые оскверняют ее святыни, расхищают национальное достояние. Вспомним старую истину: уважительное отношение к праху и наследию предков отличает культуру от дикости...

Г. А. Мачтет

(...) А там, за семью озерами, за туманами вечных топей, в глуши изумрудной кедровой тайги, девственной и чистой, — там нас, конечно, не ждали. Мы были правы, полагая, что там живут без боязни и о нас совсем позабыли. Сто лет, прожитых безмятежно деревней, выросшей из скита, построенного некогда бежавшими «мирского греха» фанатиками и, очень может быть, даже дезертирами, прошли недаром. Деревня жила без тревоги и опасений, нисколько не думая об «открывателях». Она их не знала сто лет, и безмятежность перешла в нравы, привычку. В «давности» они видели свое право, в преступном укрывательстве — подвиг, в своей грубой, первобытной, замкнутой, некультурной жизни — закон.

Понятно, что, как все дикари, они были страшно упорны в своей грубости и ненависти к «свету». За целых сто лет, несмотря на скуку и монотонность, никто ни разу не выказал даже поползновения столкнуться с нашим миром культуры или дать нам знать о своем существовании. Они вполне довольствовались своей тайгой, своим «обществом», своими самодельными рубахами, и «самобитными» зипунами. С них было довольно, что им светят солнце, луна и звезды. Они жили там, как кроты, как птицы, как рыбы. Они не знали ни законов, ни торгова, ни денег, не умели ни покупать, ни продавать. Они отрицали «обязанности», чувство долга смешивали с «внутренним побуждением» и работали только для того, чтобы не умереть с голоду. Добывая все сами, своими руками, они и потребляли все сами.

Это была дикая, первобытная жизнь и, как у всех дикарей от Африки до Полинезии, регулировалась только обычаем и преданием. Руководителем и хранителем этих преданий был у них восьмидесятилетний Пров, над которым стоял только деревенский мир. «Мир» назывался у них «поильцем-кормильцем»; он наделял всех и всем, так как все у них велось «собча». Дальше своего таежного мира они ничего знать не хотели и отдали бы за него все на свете.

Нашу жизнь, нашу культуру, наши порядки, наше благоустройство они звали «грехом», а нас — «черными воронами». Отсюда ясно, что они не отказывали в приюте бродягам и иным нарушителям законов. Они селили их у себя, но с условием оставаться в тайге до смерти. По их понятиям, это не преступники, а «божии люди», гонимые долей, споткнувшиеся под тяжелым, не под силу, крестом.

Многое из этого мы узнали только впоследствии, но предварительные понятия, довольно верные и точные, дал нам обо всем наш почтеннейший, ветхий годами и мудрый опытом отставной судья Подюбкин, некогда сам принимавший участие в подобном же открытии. Вынув табакерку и щелкнув по ней пальцами, он закончил как-то особенно выразительно:

— Д-да-с, доложу вам, судари мои, сущие дикари-с! (...)

Григорий Александрович Мачтет (1852—1901) родился в г. Луцке на Волыни в семье интеллигента-разночинца. В 1874—75 годах напечатал в русских газетах и журналах серию очерков и рассказов, получивших одобрение Некрасова. В 1876 году арестован и заточен в одиночку Петропавловской крепости, в следующем году выслан в Архангельскую губернию, где продолжал писать для «Отечественных записок». В 1878 году после неудавшегося побега назначен на жительство в Западную Сибирь, Тюкалинск, Ишим Тобольской губернии — вот места его последней ссылки. Сибирские впечатления были настолько сильны, что и покинув Сибирь, писатель продолжал черпать в ней материал для творчества. Писатель более знаком современному читателю как автор слов песни русских революционеров «Замучен тяжелой неволей». Менее известна его проза — роман «И один в поле воин», повесть «Блудный сын», сатирическая сказка «Сон одного заседателя», рассказы. Вниманию наших читателей предложен отрывок из рассказа «Мы победили» — об «открытии» неизвестной деревни староверов в Сибири.

Владислав Шабуров

ИЗ ПОЭМЫ «АНГЕЛЫ»

Трехногий стул, поставленный к стене.
На нем лежит подобьем тьмы безлицей
Моя одежда. Третий час... Не спится.
Не спится мне...

В холодно-алом, медленном огне
Сгорает память. И вонзает спицы
В мой сизый мозг полуслепая тень
Того, что именуется зарницей.
Как трудно с неизбежностью смириться,
Все кажется, что будет новый день.
Для истины, для вечности. Простится
Нам зло и скверна...

На исходе дней
Большая бабочка — безумье! — веселится.

* * *

Я в Петербурге. Сонные тела,
Точнее — трупы. Камня и стекла
Хватило здесь на то, чтоб умертвить
Дворцы и проч.,

Призрачная нить,
Что парки пряли, здесь оборвалась.
«Распалась связь времен», и только связь
Дельца-кавказца со студенткой, может быть,
Ее на месяц может заменить...

* * *

Мой Петербург. Но кто тебя поймет,
Оставив центр, окраине вернет
Простую сущность? Вот пивной ларек.
Когда б умел, я написать бы мог
Ему сонет, а может быть, — роман.

Вот нищий бомж, что просит на стакан.
Вот старая карга в кармане ищет
Рубли. Беда, едва ли будет пища,
Чтоб поддержать в убогом теле дух.
Но Петербург не выберет из двух
Возможностей — любить и ненавидеть
Своих детей. Лишь порванные нити
Свисают, словно ливни с высоты,
И это — ты.

Владислав Шабуров родился и вырос в Урае. Ему 22 года. Учится на 5 курсе факультета народов Крайнего Севера Российского государственного педагогического университета им. Герцена в Санкт-Петербурге.

Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия Поэзия

У РОДНОГО ЧУГАСА

ЖИТЕЙСКИЕ ДЕЛА

Семья наша прибывала. 25 октября 1922 года родился брат Сергей. Отец начал частенько прихварывать. Похудел, на щеках выступил нездоровый румянец, появилась потливость, кашель. Стал нервным, часто ругался с мамой. Редкая еда обходилась без скандала. Отец почерпнет ложку ухи или супа, попробует и заводит перепалку. Мать делается красной от смущения, уйдет в казенку и тихо там плачет. А мы сидим притихшие, боимся пошевелиться, чтоб и нам не попало. Жаль мать.

Нам тоже попадало. Он специально у двери на гвозде держал сыромятную троехвостку. Больше всех доставалось Маньке. Как она запоздает вечером, заиграется на улице, так отец «учит» ее троехвосткой.

— Это тебе за беготню! Это тебе за опоздание! Это тебе, чтоб думала об учебе!

Отец в основном занимался рыбной ловлей, иногда принимал участие в сенокосе, да заготовке дров. Основная тяжесть семейных забот лежала на плечах матери. Ей помощниками были Оська да Манька. Весной огород вскопать, картошку посадить, потом прополоть ее, да окучить. Навоз со двора вывезти. В лесу помочь дров заготовить, зимой их вывезти на лошади. За лето сено накосить. Ягод на зиму заготовить. Осенью с огорода овощи убрать. А домашней работы сколько? Невпрорывот! Целый день мать, как белка в колесе. Мы, малыши, были представлены сами себе. Особенно трудно было к весне. Вёсны все были многоводные, холодные, затяжные. Картошка кончалась, а она была основным продуктом питания в доме. Сено тоже выходило, корову, лошадь нечем кормить, а их надо сохранить, особенно корову, это основная подмога в хозяйстве. Приходилось заготовливать тал. Лазили по пояс в снегу, ломали таловые ветки и таскали домой то на санках, то на себе. По водополью за талом ездили на лодке до зеленой травы. И сами тоже питались молодыми таловыми отростелями, а летом — пучками.

ЗА ПУЧКАМИ

В одно из воскресений старшие ребята и девки, в том числе Оська и Манька, решили ехать за реку по пучки. Нашли небольшой неводничок и переехали. Вскоре подул северный ветер. Река разбушевалась на полную силу, заходили высокие крутые волны с курчавыми беляками. Родители забеспокоились, собрались на берегу. Увидели: на противоположном берегу ребята тащатся с ношами пучек к неводнику.

— Бабы, они ведь переезжать собираются!

— Такие волны! Хоть бы ветер переждали!

— Как же, переждешь его. Он, может, на неделю закрутил. Что они там куковать будут?

Неводник с ребятами направился к нашему берегу. Ветер все злее и злее заворачивал волны, срывая с верхушек водяные брызги. Неводник уже подходил к самому опасному месту — руслу реки с его стремительным течением. Волны здесь

бушуют всюду; багрово-черно-хмурые, они, как стена, стоят на пути. Поднимут неводник на самую макушку — он, как поплавочек, весь на виду, затем опустят вниз — ни его, ни ребяташек не видно. Бабы голосят:

— Господи! Господи! Смилуйся над ними, пожалей ты их детские души!

Из далекого неводника слышатся глухие голоса, забиваемые порывами ветра.

— Мама! Мама! Спасите! Мы тонем!

Несколько раз неводник уходил в волны и поднимался. В гребях двое — Манька да Муза Салтанова, изо всех сил стараются. На корме Оська рулит веслом, чтоб лодку не перевернуло. Наконец проехали опасное место. Еще несколько усилий, и неводник воткнулся в наш берег. Волна сразу же накрыла его до краев. Ребяташки выскочили из лодки — бледные, испуганные, мокрые до нитки. Родители бросились к ним. Вместо того, чтобы успокоить ребят, начали их ругать, а некоторым достались подзатыльники. Оська оправдывался:

— Я говорил им: не кричите, не бойтесь! Надо воду вычерпывать. А они орут да орут. Ладно, Манька с Музой выручили, гребли хорошо.

Оська с Манькой принесли домой две ноши пучек. Мы сразу стали их есть. Какие они вкусные! Сочные, мягкие, душистые, а главное — сладкие. Очистишь такую пучку от коры и ешь с наслаждением.

НЭП

Военные годы, разруха, голод в России отразились и на жизни народов Севера. Крестьянские хозяйства обеднели. Сильно сократилось поголовье скота. Много лошадей угнано безвозвратно проходящими воинскими отрядами. Сократились посевы на полях. Пришло настоящее запустение, поля одолевал бурьян. Все это усугублялось многоводьем. Дело дошло до голода и нищеты.

Чтобы преодолеть тяжелое положение, правительство ввело в стране новую экономическую политику. С этого времени единоличные хозяйства начали поднимать земледелие и скотоводство. Увеличивали посевы зерновых, сеяли рожь, овес, ячмень, пшеницу, коноплю, лен. Поля удобряли только органикой, особенно навозом. Люди ожили, повеселели. В хозяйствах с каждым годом прибывала живность. Средние хозяйства стали иметь по две дойных коровы с приплодом, по две рабочих лошади. Зажиточные имели по пяти и более рабочих лошадей и коров. К таким относились Иванов Яков Евстигнеевич, Исаков Иван Алексеевич, Захаров Иван, Сафонов Ксенофонт Иванович, Салтанов Ефим Селиверстович, братья Евсеевы — Никанор и Дмитрий — и другие. Зажиточники прикупали сенокосилки, конные грабли, деревянную соху заменили заводскими плугами, появились молотилки и веялки ручного привода. Молоко стали сепарировать. Первый сепаратор появился у Сафонова К. И. в 1930 г. А изобретатель-самоучка Салтанов Иван Ефимович сделал своими руками из дерева мельницу для помола зерна без применения силы воды.

Как раньше держали скот? Хозяйственные крестьяне строили большие скотные дворы с огромными сенниками, конюшнями и коровниками под одной крышей. Для экономии сена и других кормов делали во дворе кормушки-ясли. Остальные держали скот в примитивных условиях. Для овец и телят делали теплые стойки-хлевы. Кур держали зимой в избе под шестком русской печи, а то и под столом в казенке-кухне, лошадей и коров под открытым небом, редко под навесом, в холодных стойлах. Кормушки-ясли в бедных

хозяйствах не делали. Корм, особенно сено, разносили по всему двору кучками. Кто сильнее — тот и был сыт, слабого гоняли по двору. В результате большая часть сена втапывалась, до весны его не хватало. Скот худел, еле доживал до весны, до первой зелени.

За зиму навоз скапливался во дворе горой. Ленивые его копили целыми годами, пока он не поднимался выше изгороди. Вот тут-то вынужденно приходилось относить двор на новое место. Так случилось у Мамыкаева Ефима, Чагорова Маркела, Потлина Степана и других. Как только Мамыкаев перенес свой двор на новое место, так оставшуюся гору навоза мы сразу приспособили под катушку и пользовались ею не один год. Сейчас на этом месте строится медпункт. На Потлинском дворе находится школьная площадка.

Богаче всех на селе жил Иван Матвеевич Батурин, родом из Тобольска. Еще в начале нашего столетия в Цингалах тобольскими купцами была открыта торговая лавка. Приказчиком в этой лавке и работал Батурин. Занимался он и другими прибыльными делами: имел большой конный двор, содержал заезжий дом, скупал у местных жителей рыбу и ягоды по дешёвке и перепродавал в Тобольске. Батраки его зимой возили почту, проезжих людей, рыбу и ягоды в Тобольск, где продавали их на рынке. Рыбу ловили по водополю и садили в сад-озеро до ледостава. Осенью по льду ее вылавливали неводом и мороженую увозили на продажу. Так этот сад стали называть Батуринским озером. Находится оно около Чугаса, где живут рабочие лесоучастка. Такой же сад-озерко был и в середине села, в нем держало рыбу местное население. Сейчас на этом озере зимой ребятня катается на коньках и играет в хоккей.

Батраки Батурина работали также на скотном дворе, занимались заготовкой и вывозкой сена и дров. Дрова готовили на северо-западном мысу Чугаса. Отсюда появилось название «Батуринский ручей».

В торговой лавке были самые необходимые товары. Взамен пушнины, рыбы, ягод, орехов здесь можно было приобрести муку, табак, мануфактуру, сахар, конфеты, ружья, порох и дробь. Но самый ходовой товар — водка.

Батурин быстро нажил себе капитал, обзавелся богатым хозяйством, построил двухэтажный деревянный дом, единственный в деревне. После смерти Батурина дом был конфискован, сделали его Народным домом. На верхнем этаже проводили собрания, ставили спектакли, концерты, в нижнем этаже была библиотека. Стоял дом на месте, где сейчас парк памяти погибших воинов. Потом по причине ветхости дом разобрали, перенесли в школьный городок и построили столовую.

МАСЛЕНИЦА

С нетерпением ждала вся деревня весенний праздник масленицы. К этому времени заканчивался очередной пост. Бабки-богомолки строго следили за этим обрядом, в ходу была картошка да постная и соленая рыба. Молоко только снятое, без сливок, да простокваша и творог. Все жирное копили к масленице.

Вот она и масленица! Первым праздник открывал купец Батурин. Его тройка сытых, серых в яблочко лошадей, запряженных в легкие разукрашенные санки-кошевку, летела по улице во весь мах до верхней околицы деревни

и обратно до речки Летней. Вот это кони так кони! Красавцы! Одно загляденье! Дышат огненным жаром, как в сказке «Конек-Горбунок». А сбруя-то, сбруя! Уздечки, хомуты, шлеи украшены разноцветными бляхами, и блестят они на солнце алмазными зайчиками. Дуги харьковские, с вырезанными цветочками, с лентами, с колокольцами да с бубенцами. Вожжи — не веревочные или ременные, а специально сплетенные из конского волоса. Кошевка устлана дорогими коврами, в ней сидит сам Иван Матвеевич, а на облучке кучер в красном кушаке. Иван Матвеевич смотрит по сторонам с высоким достоинством. Вот, мол, смотрите, каков я есть! Не чета вам, сыромятникам! За Иваном Матвеевичем выезжают зажиточники Иванов Яков Евстигнеевич, Исаков Иван Алексеевич, Евсеевы, Захаровы, Шумиловы, Салтановы. Эти тоже стараются блеснуть своими конями и сбруей.

За богачами — мелкая сошка на простых розвальнях и дровнях-развалюхах с сеном и кучей ребятишек. Гуляли на лошадях друг за другом то в одну сторону, то в другую по деревне. Лошади дышат горячим паром прямо на людей, фыркают, обивают копыта о передние сани. То в одном конце, то в другом заливаются разноголосицей гармошки, слышатся задушевные мелодии песен, залихватские частушки. С утра до полудня катанье. В полдень — передышка: отдых лошадей да хмельное застолье. После застолья — снова гулянье на лошадях до вечера, а потом веселые компании ходили из дома в дом, из гостей в гости. Танцевали, пели, ну и драки были. Пировали, веселили свою душу после праведных трудов почти целую неделю.

Прошел праздник — опять настали однообразные, серые, скучные будни с их заботами и невзгодами.

ЗАГОТОВКА ДРОВ

В мае месяце, до развития листа на деревьях, заготавливали дрова в лесу. Отец, мать и я поехали на одной лодке, Оська с Манькой на другой. К нам присоединилась на своей лодке Настенька Исакова, племянница отца, приглашенная в помощь. Ехали прямо по заливным лугам и полям через Кривое озеро к Чугасу, к Кабуринскому ручью. Только пристали к берегу, оказались в каком-то неведомом царстве. Такой птичий гам по сторонам! Пели на все голоса: щебетали и трещали, свистели и стрекотали, каркали и барабанили. Каждая птичка-невеличка старалась доказать другой: а я лучше тебя пою! Оська говорит:

— Каждую птичку можно узнать по ее голосу. Вот слушай! Кто это, как колокольчик, звенит? Это синица! А это кто кричит? Это роньжа-кедровка. Давай отстанем, пусть они идут. Вот сюда сядем. Только сиди тихо. К нам сейчас рябчик прилетит.

Оська засвистел как-то по-особенному, с переливами. Еще и еще повторил.

— Слышишь? Рябчик ответил! Сиди теперь тихо, не шевелись!

В кустах что-то зашуршало. Оська зашептал мне:

— Видишь!

— Где?

Оська рукой показал:

— Вон! Вон! Смотри внимательнее!

Присмотрелся — вижу: на веточке сидит рябенькая курочка. Шею вытянула

и на нас смотрит. Оська пошевелился, и рябчик, шурша крыльями, улетел. Мы, прибавив шагу, стали догонять ушедших.

Отец облюбовал березовую деляну. Мы сложили вещи. Немного отдохнули. Настенька занялась разведением костра. Манька с болотца принесла воды в котле-колташихе, повесила его на таганчик над огнем. Оська на ближней березе топором сделал засечку наискось, вставил в нее коротенький прутик — из березы полилась прозрачная струйка сока. Подставили котелок. Отец стал намечать деревья для валки, мать с Настенькой подпиливали и валили на землю, Оська с Манькой обрубали сучья. Пилили в две пилы: мать с Настенькой, Оська с Манькой. Я следил за костром, подбрасывал в него сухой хворост.

Пилили до обеда. Поели, чаю попили. Оська принес котелок с березовым соком, налил всем по кружке. Первый раз пил березовый сок — очень понравился: сладкий! Настенька что-то говорила — все смеялись. Отец тоже от нее не отставал, рассказывал смешные истории. Было весело.

После обеда снова пилили. Отец приготовил место для поленницы — положил на землю две жерди-лежки к высокому пню, с другого конца воткнул в землю высокий кол. Показал мне, как складывать дрова, сам стал колоть чурки. Кладу это я дрова, кладу в поленницу и вдруг слышу: где-то барашек кричит. Откуда он может здесь взяться? Кругом глухой лес и вода. Опять подошел к Оське, спрашиваю:

— Какой-то барашек кричит в лесу — откуда он здесь взялся?

— Ты посмотри в небо! Это не барашек кричит, а птица. Вон она высоко в небе летает, а потом камнем падает вниз и перышки ее от ветра издадут звук, похожий на бараний голос.

Мать с Настенькой продолжали пилить. Оська взялся за колку чурок, Манька стаскивала чурки в кучу. Вот и вечер подошел. Сложили две высокие поленницы. Отец замерял их саженями, говорит: «Еще надо столько же заготовить».

На обратной дороге встретили лохматого зайца. Он перемахнул перед нами дорогу. Оська закричал ему: «Косой! Косой! Берегись, сейчас догоню!».

Зайчик только хвост показал. Едва сели в лодку, громыхнул гром, подул ветер, но туча прошла стороной, нас не задела. Из напиленных кружков Оська сделал колесики, напарьей провернул в центре дыры, сколотил из досок ящик, приделал к нему колеса — получилась коляска. Сколько было радости у нас, когда стали катать в ней друг друга! Особенно понравилось катанье Сережке и Катюшке.

(Продолжение в следующем номере).

НА ТРАССЕ

«АЭРОПОРТ — ПРОМБАЗА»

К БРОДЯЧЕЙ жизни привыкать трудно. Уж как ни жилось при доме, а в тепле, с кормежкой. Нрав у Хозяйки суровый, неласковый. Приходилось, давала пинка под бок и уж совсем не терпела, когда Рыжуля, истосковавшись за день в одиночестве, кидалась с лаем ей навстречу. Заслышав «пошла вон», Рыжуля цепенела от неосознанной вины и обиды, жалась к стенке, поджав хвост, долго дрожала мелкой дрожью и со страхом следила за Хозяйкой, за каждым ее шагом-поворотом, не ожидая добра. Раз от разу обида притуплялась. Обманчивое предчувствие радостной встречи с Хозяйкой сменилось равнодушием: пришла — и ладно, пусть себе ходит, гремит кастрюлями, покуривает — Рыжуля будто не видит Хозяйки и знать не знает — лежит в своем уголке, свернувшись калачиком, сощурившись, усами подергивает — нюх должен быть начеку, авось, Хозяйка, насытившись, вспомнит, что и Рыжуле есть хочется.

Праздник для Рыжули начинался с лестничной площадки — свежий ветер, знакомые и незнакомые запахи, ребячий визг вокруг и полная свобода! Носилась между домами, лаяла до одури, до хрипу, с мальчишками за мячом гонялась, команду «апорт» выполняла несчетно раз и всегда с удовольствием. Бывало, кто-то из окна окликнет, косточку необглоданную бросит или кусочек колбасы, а то и отругает за неумолчный пустобрех. Всяко бывало. И в коридоре спать приходилось, когда загуляет, про дом забудет, — тут же и наказание последует: не спит еще Хозяйка, шагшорохи всякие слышны, из-под дверей дымом пахнет. Рыжуля голос подаст — никакого внимания, в дом на ночь не впускают.

В микрорайоне, где обитала Рыжуля,

ей одной жилось вольно-раздольно, — ее собратьев, больших и крошечных, смиренных и вздорных, модно подстриженных, обвешанных звенящими медалями и даже лысых, облезлых до ушей собак владельцы на поводках водили, ни на шаг вольный от себя не отпускали. Наблюдая собачью жизнь вокруг, Рыжуля не раз себя к поводку примеряла, — тут же в испуге стряхивала с себя воображаемый ошейник, срывалась с места и с оглушительным лаем предавалась своим беспечным игрищам, носясь туда-сюда перед холеными невольниками.

Однажды Рыжулю вдруг качнуло из стороны в сторону, затошнило. В глазах потемнело. Прошло все неожиданно, как и началось. И она вспомнила: ЭТО уже было! И вот опять! Значит, не зря на нее заглядывался красавец-пудель! И раз, когда пуделя спустили с поводка, не зря они скрылись ненадолго от людских глаз. Потом пуделю очень досталось: Хозяин кричал, топал ногами, таскал пуделя за уши, хлестал поводком. В Рыжулю запустил комом земли и еще палкой. Больше они не встречались. Хозяйка сказала как-то: «А пудель из соседнего подъезда сдох. Чумка». Рыжуля ничего не поняла, потому что не все понимала в людях. С Хозяйкой взаимоотношения совсем испортились, все у них шло вразрез, вразлад — непонятно, зачем жили вместе. Но, куда денешься, жили.

Время шло, приближались сроки. Рыжулю охватывало беспокойство. От горестных воспоминаний у нее всякий раз замирало сердце: и в первый и во второй раз она не успевала прийти в себя, опомниться от страшных мук, как ее дети исчезали. Вместе с подстилкой. Появлялась Хозяйка, подставляла ей миску с водой, клала сухую под-

стилку, сердито ворчала: «И зачем мне все это нужно! Если ты, сука, еще раз согресишь, убью». И вот грех случился. Рыжуля прислушивалась к тому, что в ней происходило... Скоро... скоро.

Роды были долгие, трудные. Рыжуля погибала от боли и удушья — Хозяйка не отходила от нее, дымилась сигаретой, на часы поглядывала. «Обещала ведь, что убью, а жалко стерву. Ну, давай поскорее, мне на работу пора. Выволоку в коридор и уйду. Ты, шлюха, специально тянешь резину, ждешь, чтобы я ушла. Так приду с работы, все равно утоплю, хоть и оближешь ты их и накормишь. Тебе же потом хуже будет, болеть будешь, подыхать. А так — без мороки, как будто их у тебя и вовсе не было. Ага, сознание потеряла, притвора. Ну, все, убирайся, а то у тебя мозгов хватит диван мне запакостить».

И вышвырнула ногой подстилку вместе с Рыжулей в коридор. «Сама виновата, потаскуха». И хлопнула дверью так, что на Рыжулю посыпалась штукатурка. Снизу пахло свежим воздухом, Рыжуля глубоко вздохнула, напряглась... и темень заволочла ей глаза. Очнулась легко и радостно: маленький мокрый комочек пищал под боком, один-единственный, такой трудный, такой желанный.

Все, что она потом делала, было осознанно и оправданно ее собачьим рассудком: совершив нужный ритуал, она ухватила Малыша за холку и понеслась без оглядки вниз по лестнице и дальше — неведомо куда. Бежала долго, без передышки, пока ей не свело скулы. Она выронила свое сокровище, обнюхала — Малыш не дышал. Шлепнула его хорошенько два раза мордой — он запищал — живой! В горячке бега не чувствовала, что из всех ее восьми сосков бежит молоко. Молоко на Малыша капает, а он спит! Умостила, его к сиське приспособила — засопел и тут же потерял сиську. А потом сам нашел — одну, вторую, третью — все они твои, Малыш! Рыжуля плакала от радости и умиления. Попыталась подняться, чтобы продолжить путь и припала на задние лапы — устала. Ползком обследовала местность вокруг — захоlustье, ни жилья люд-

ского, ни дорог. Чахлые кусты да высокая трава — здесь и осталась с Малышом.

Несколько дней рыла нору — с узким входом, просторную в глубине. Все эти дни не ела, только пила из лужи. Когда Малыш сделал соскам больно, поняла: молоко иссякло. Началась бродячая жизнь в поисках пищи. У мусорных пищевых баков были свои хозяева — бездомные собаки и кошки. Меж собой они порой и грызлись, однако мирились: сильным доставалось что лучше, слабым — что придется. Чужаков близко не подпускали, изгоняли дружно, всей стаей. Новенькую Рыжулю признали, ради детеныша.

Приметила Рыжулю нищая старуха и стала подкармливать. Все, что за день соберет с протянутой рукой, что купит на дорогие подаяния, все с Рыжулей поделит поровну. Встречались обычно в конце дня. Рыжуля безошибочно чувствовала приближение своей подружки (это старуха нашептала ей, что они подружки), дежурила на задворках общежития, куда старуху пускали на ночь — переночевать в подсобке — не из жалости, не за зря — с выгодой: старуха за ночлег мыла пол в коридоре, — бесконечно длинный, заплеванной, выщербленный, до песчаного основания.

Повизгивая тихонечко, чтобы не услышали, не прогнали, Рыжуля неслась навстречу старухе и пока та рылась в своих бесчисленных мешках-торбах, лизала горячим языком старушечьи холодные иссохшие руки, приноравливалась лизнуть щеку, губы. И старухе радость — хоть одна живая душа есть в утешение. Случилось как-то: не пустила старуху на ночевку новая дежурная вахтерша. А ночь выдалась на редкость ветреная, с морозцем. Приютилась старая в затишье деревянного, только что отстроенного, но еще не заселенного товарами ларька. Так Рыжуля всю ночь металась туда-сюда: то к Малышу в нору, то к старухе, ноги ей отогревать.

Встречи внезапно прекратились ранней весной. Рыжуля оббегала весь город, выискивая, вынюхивая следы, запахи, — старуха исчезла. Истаяла, как почерневший к весне снег.

А Малыш рос, набирался сил. Весь в папу-пуделя удался: глазастый, ушастый, кудрявый, осанистый. Только цветом — в мать: шерстка каленой медью отликает.

Не избалован был Малыш в выборе еды: глотал без разбору, что придется, уминал подчистую и объедки с окурками, и сырую рыбу.

Бедная Рыжуля, кожа да кости, в поисках прокорма сыночку все дальше уходила от своего подземного жилья, рыскала по окраинам города, до лесных проезжих дорог добралась — туда и зачастила, пустопорожней к норе не возвращалась, всегда с добычей: то промасленную бумагу от копченой рыбы пригашит, то остатки чьего-то пиршества раскопает.

После еды мама с сыночком спали в обнимку. Во сне Рыжуля гонялась за Малышом, громко и радостно лая. Вскидывалась от своего голоса и с тревогой оглядывала спящего сына, — собакам, как и людям, счастливые сны не к добру.

Нашла Рыжуля клад — пакет с колбасой. Пока тащила к норе, пакет порвался, вся добыча в песок вывалилась. От вкусного запаха у Рыжули закружилась голова, заворчал в брюхе, она не сдержалась и принялась поспешно уминать находку. Насытилась, а остатки за раз не унесешь — пришлось зарыть в песок. С одним увесистым куском понеслась к Малышу. Малыш миглом проглотил колбасину, еще просит, облизывается, во все свои миндальные глазища на мать смотрит, вкусные запахи из ее морды вынюхивает, скулит просяще-жалобно. Пришлось отправляться за тем, что зарыла. Малыш за ней увязался, от нетерпения извелся весь, прыгает вокруг нее, лает радостно. Потом на передние лапы мордой припал, будто встал на колени — тут уж никакое сердце не выдержит, уступит просьбе. «Ладно, пошли, только до бетонки!». И понеслись вперегонки.

«Вот здесь сиди и жди, — приказала. Обошла, обнюхала все вокруг — место безопасное, безлюдное, нехоженное. Ветерок лишь пошевеливает немятую молодую травку. — Я скоро вернусь».

Трасса шумная, промысловая — «Аэропорт — Промбаза», машин видимо-невидимо, впритирку, в два встречных потока несутся. Пешеходов здесь не бывает, перекрестных дорог и светофоров нет — жди-пожди, пока интервал случится. А ждать некогда, надо рисковать. Удалось! Прошмыгнула, аж дух захватило от страха и прыти. Взбежала на бугор, оглянулась — сидит сыночек на заказанном месте, с ноги на ногу переминается, головой вертит, ее из виду потерял, высматривает. Тявкнуть бы, да за грохотом не услышит. Вильнула Рыжуля своим роскошным хвостом-веером и скрылась за бугром.

Малышу здесь все в диковинку: несется мимо него что-то страшное, дымит, стреляет, лязгает. А когда тень от огромного самосвала накрыла его, он от страха кинулся было бежать — и осел: чих раз-по-разу свалил его с ног. Еле-еле очухался. Пока чихал, забыл обо всем на свете — ничего не помнил, не понимал: кто он такой и зачем здесь. Жалобно взвыл, заплакал горькими слезами. И само по себе прорвалось: «Мама, где ты!». Враз стало легче на душе, потому что все вспомнил! «Сиди и жди, — сказала мама, — скоро вернусь!». Страх улетучился, про колбасу вспомнил и нетерпеливо заерзал, маму высматривая.

Съехав на обочину, остановилась «Волга» — прямо против места, где сидел Малыш. К нему подошли двое. Рука — большая, теплая потрепала его по холке. Человек сказал «пошли». Он не понял. Тогда его заарканили на ремень и поволокли. Он упирался, но те, кто тащил, были сильнее. Потом он завис в воздухе, чуть остался жив, а когда очнулся, обмочился от страха. Его больно нашлепали. Потом погладили — это тоже было больно, непривычно, неприятно — он дрожал и жалобно скулил. «Оставь его в покое, пусть оклемается. Красавчик, а! Нежданно-негаданно — огненный пудель!».

— «Грош ему цена, на лапы посмотри: переводня, полудворок». — «Но хорош! Поехали!». И машина понеслась. От быстрой езды Малыша швыряло из стороны в сторону. Он пытался подняться, дотянуться до открытого ок-

на, куда врывался свежий, бездымный воздух, и падал на сиденье. Ему совали в пасть еду — он ее выплевывал. Тогда в него влили что-то горькое, обжигающее, от чего у Малыша зашелся дух. Когда силой взялись открывать ему сцепленные зубы, он вдруг оскалился, злобно зарычал, и закусил всей пастью что-то мягкое, соленое. На него посыпались удары. Били по морде, по спине, по чем попало. Он хотел, но не мог расцепить свои будто сросшиеся намертво клыки.

Тогда ему подожгли хвост и выбросили на ходу из машины. Он скатился в кювет и долго лежал не двигаясь. Далеко-далеко над ним покачивались верхушки сосен. Тихо, бесстрастно шумела тайга.

...До места, где она зарыла в песок колбасу, Рыжуля не добежала: что-то больно кольнуло под верхним левым соском. Она резко затормозила бег и повернула обратно. Издали увидела, что Малыша нет на месте. Перебежала грохочущую бетонку, обнюхала поляну, где приказала ему сидеть: вот травка, примятая им, вот следы его лап, а дальше — длинная до самой обочины полоса по траве и песку, процарапан-

ная его лапами. У края дороги полоса оборвалась, запахи Малыша взлетели вверх и растаяли.

Рыжуля вскинула морду, внюхиваясь в чадную пелену и двинулась по бетонке в ту сторону, откуда, ей казалось, сквозь смрад плыл на нее родной запах. Ей вдруг почудился ЕГО голос — ее Малыш рычал. Она испугалась, села, завертелась на месте, и потеряла направление.

Сидела на самой середине дороги окаменев, безучастная ко всему — скрежету, грохоту, пронзительно громким и частым сигналам. Огромный самосвал с визгом затормозил. Водитель, чертыхаясь, выскочил из кабины, пнул ее ногой. Она поднялась и медленно поплелась между встречным потоком машин. Иногда оглядывалась на свой след: ей казалось, что из соска под левой верхней лапой капает кровь, там очень болело.

Когда силы совсем иссякли, Рыжуля тяжело, со стоном вздохнула и вытянулась поперек бетонной плиты. Мысли ее все еще продолжали бег, погоню за сыночком, а она все плотнее вжималась в бетон, пока черная громада не накрыла ее. Маленький комочек под левым соском перестал содрогаться от боли и горя.

Орнаменты «Крест», «Оленьи рога» и другие.

Орнаменты, приведенные на рисунке, разнообразны по характеру, поэтому входят в различные группы:

- 1—2 — пярна — «крест»;
- 3 — ярнас ханши — «орнамент для платья»;
- 4—5 — йис ханши — «старинный орнамент» (новое название: — хо шэп — «пол-мужчины»);
- 6 — сьупар нэ лоп пангк — «весло сказочницы»;
- 7—9 — ай хор онгат — «рога маленького оленя»;
- 10 — еллы нетум ай хор онгат — «добавленные рога маленького оленя»;
- 11 — янас ханши — «придуманный орнамент»;
- 12 — ай хор онгат сури тухал пялак пила — «рога маленького оленя с крылом чайки»;
- 13 — сорханл нянгат хор онгат — «сургутских женщин оленьи рога»;
- 14 — вон хор онгат — «рога большого оленя»;
- 15 — мултас нувуп пярнаянг нетум сорханл нянгат вон хор онгат — «с лишней веткой крестом добавленные сургутских женщин большие оленьи рога».

Еще в 1948 году В. Н. Чернецов писал о том, «что все орнаменты имеют свои названия, весьма устойчивые, если принять во внимание обширную территорию их распространения. Встречающиеся иногда в некоторых названиях колебания, кажется, следует рассматривать не как локальные вариации, а просто как забвение и смешение их отдельными лицами».

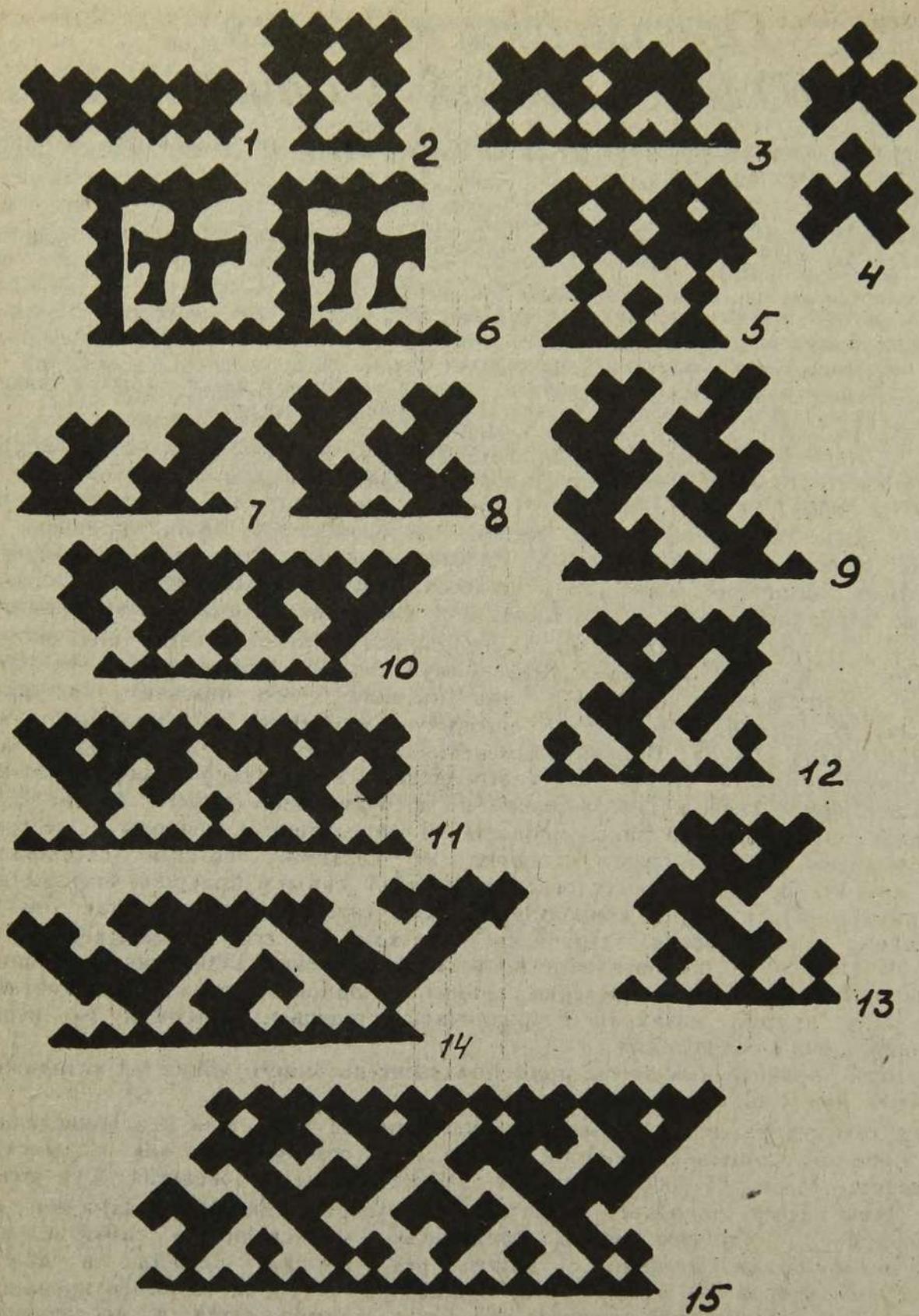
Однако, имеют случаи, когда старинный мотив живет под новым названием. Ярким примером сказанному служит опубликованный ранее орнамент «Наконечник стрелы», как называли его пожилые мастерицы р. Казым. В сознании же более молодого поколения он фигурирует как «Уши маленького зайца». Причина изменения названия, на мой взгляд, в том, что предмет «стрела» вышел из употребления, и в старую форму мотива вкладывают новое содержание. «Новое» не в буквальном смысле слова, здесь прослеживается следующая закономерность. В определенные периоды существует фонд орнаментальных мотивов и фонд их названий, которые соотносятся друг с другом. В названиях (словесных знаках) скрыта большая информация (опыт поколений), а мотив конкретного узора (изобразительный знак той же информации) исторически закрепился как ключ к его воспроизведению в памяти. В силу ряда обстоятельств происходит забвение взаимосвязи названия и мотива. Однако, память мастериц хранит, с одной стороны, фонд мотивов узоров, а с другой, названия с различной степенью забытости их первоначальной глубины содержания.

Из узоров, приведенных здесь, примером вышесказанного являются «старинные орнаменты» или «пол-мужчины».

Далее хотелось бы остановиться на орнаментах 13 и 15. Как и в приведенном выше узоре 5, существующем на Агане, но признаваемом как казымский, в орнаменте 13 и 15 осознается их заимствование у женщин Сургутской земли. Чаще всего подобное заимствование узоров, которые называют «памув ханшет» — «других земель орнаменты», происходит в связи с тем, что в жены брали женщин с других рек, которые держали в памяти свои наборы узоров и, кроме того, привозили с собой орнаментированные изделия. Иные орнаменты перенимались, что и отражается в последующем названии.

Орнамент 15, пожалуй, самый сложный узор ленточного типа, который встречался у ханты реки Казым. Он, судя по названию, заимствован у восточных хантов. Изучая орнаменты этого региона, убеждаешься в том, что их узоры с равностью фона и орнамента много сложнее подобных узоров хантов реки Казым.

Т. Молданова.

Разные узоры.

ГОВОРИТЕ ПО – МАНСИЙСКИ

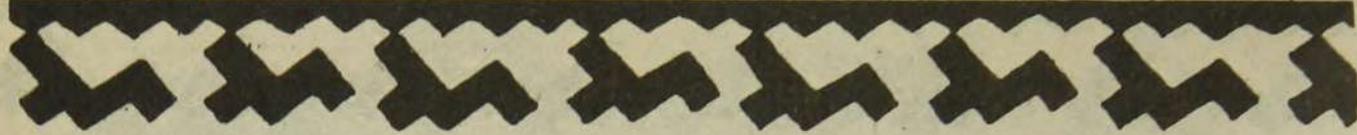
Урок четвертый

СЛОВАРЬ К ТЕМЕ «ПОСУДА И ПИЩА»
(«АНЫСАН ОС ТЭНУТ»)

Мы пили чай.
Мама горячий чай из самовара
наливает
Я купил чайник и ложки.
Я возьму хлеб и масло.
Я помогу тебе помыть чашки,
сварить еду.
Таня жарит рыбу.
Я сварю из крупы кашу.

Мен сяй айсумен.

Омам исум сяй самварныл сосы.
Ам сяйпут ос нялы ёвтсум.
Ам нянь ос вой выгум.
Ам наһын аныт ловтуңкве, тэнут
варуңкве нётылум.
Татья хул сариты.
Ам сыртэпыл колас паитэгум.

Моя сестра работает поваром.
На столе стоит самовар.
На самоваре стоит чайник.
На столе стоят чашки, четыре
чашки.

Я хочу есть.

Я хочу пить.

Дайте попить воды.

Напой меня чаем.

Я вас приглашаю пить чай.

Садись, пей чай.

Спасибо, твой чай был очень
вкусным.

Здесь поблизости есть какая-
нибудь столовая (буфет)?

С какого часа она открывается?

Столовая открывается в восемь
часов утра.

Столовая открыта до восьми часов
вечера.

Ам увсим тэнут варнэ нэг рупиты.

Пасант самвар унлы.

Самвар тармыл саяйник унлы.

Пасант аныт унлэгыт, нила аны
унлы.

Ам тэнкве таңхэгум.

Ам вит аюнкве танхегум.

Анум вит тотэн.

Анум саяил айтэлэн.

Ам нанан саяй аюнкве вовиянум.

Унтэн, саяй аен.

Пумасипа, наң саяин атың олыс.

Ты ляпат матырфир тэнэкол олы?

Хоты сест тав пунсаве?

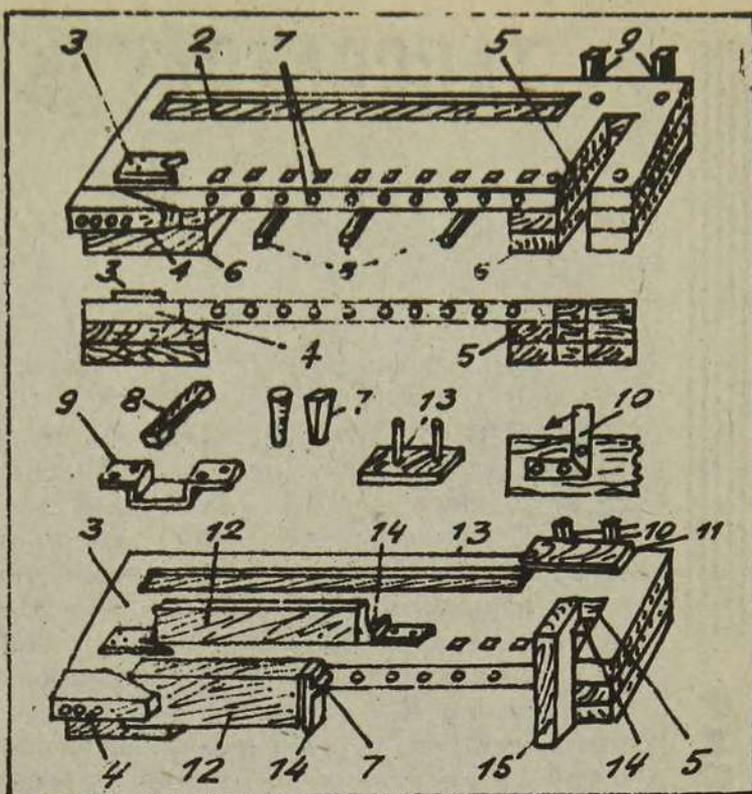
Тэнэкол нёлоров сес порат
пунсаве.

Тэнэкол сат сест лаппантаве.

Примечание:

В связи с отсутствием в полиграфической базе типографии знака для передачи заднеязычного носового «н» в тексте он обозначен переднеязычным носовым «н».

ДАЧНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Для удобства работы по дереву необходим рабочий стол-верстак. Он состоит из крышки или верстачной доски, двух тисков, ножек корпуса, между которыми располагается подверстачье для хранения материала. В верстаке имеются приспособления для закрепления материала во время работы.

Но можно обойтись простейшей верстачной доской, которую во время работ кладут на стол, стулья, табуреты, скамью или на специальные козелки.

Изготавливают верстачную доску (1) из сухих досок твердых пород толщиной 40—60 мм. Ширина может быть различной, лучше 500—600 мм. Узкие доски сплачивают на шпонках и хорошо строгают. Детали крепятся гвоздями, шляпки которых должны быть утоплены в толщину древесины не менее чем на 5 миллиметров. Это необходимо для того, чтобы не затупить о металл острорежущий инструмент.

В доске имеется продольная впадина-лоток (2), в котором во время работы хранится мелкий инструмент. На верстачной доске с одного конца крепят два упора, необходимые для удерживания материала при его строгании — верхний (3) и боковой (4). На другом конце делают паз (5) шириной 80—100 миллиметров, глубиной до 200 миллиметров. Для этого к низу верстачной доски крепят дополнительно два-три или более брусков (6), утолщая ее концы и упрочняя их.

С рабочей стороны верстачной доски по ее пласту и ребру необходимо просверлить, а лучше продолбить отверстия (7) для нагелей круглого или квадратного сечения 20x20 или 25x25 миллиметров, располагая их на расстоянии 50 миллиметров друг от друга. Снизу верстачной доски устраивают три или четыре пальца (8). Их делают выдвижными, укрепляя на двух скобах (9) каждый, или поворотными на одном гвозде или шурупе. Пальцы в выдвинутом или повернутом виде не должны выступать из-за кромки плоскости доски.

Против паза, с правой стороны доски, устраивают один или два задних поворотных вертикальных упора (10), которые необходимы для удержания материала при его перепиливании поперек (11). Эти упоры после работы опускаются вниз.

Для строгания материала, уложенного в горизонтальное положение (12), или сверления отверстий служат упоры (13), состоящие из двух пальцев и доски или одного упора нагелем и клина (14). При перепиливании материала вдоль (15) его вставляют в паз (5) и закрепляют клином (14).

После окончания работы доску можно убрать в сарай. Но и в самом домике много места она не займет.

А. Шепелев

ТАПСВАТПАУЛЬ: ЗИМНИЕ ДНИ

М. Заплатин

В МАНСИЙСКУЮ тайгу я возвращался еще не раз. И полюбил северососьвинское село Няксимволь. В его таежной округе нам удалось увидеть незабываемые картины природы и заснять там лучшие фильмы. Оно стало постоянной начальной базой наших кинопутешествий в течение многих последующих лет.

В первых числах сентября самолет АН-2 опять доставил нас в это далекое село за Уралом. Со мной бородатый помощник Валерий Ощепков и художник Анатолий Овчинников, здоровяк высокого роста, уралец, говорящий на «о». Поехал он с нами неспроста: ему интересно познакомиться с мансийской этнографией, чтобы ее элементы воплотить потом в изделия из камня, дерева и кости. Мы же с Валерием отправились сюда для съемки киноматериала об охотниках.

Осенними мотивами тайги встретил нас Няксимволь. Золотились березняки по берегам. Дни стояли тихие, прохладные, безоблачные. Селяне готовились к охотничьему сезону. Женщины и школьники с ведрами ежедневно уплывали на лодках по реке в прозрачную лесную даль.

На сельской школе висел лозунг: «Дорогие ребята! Вы хорошо помогли промхозу — собрали 300 кг ягод. Спасибо вам! Давайте еще больше соберем даров тайги. Снова отправимся в лес за брусникой!».

Пока не наступила зима, наше трио торопилось посетить становище мансийского охотника Устина Анемгурова на Тапсуе и забраться еще дальше — в таежные глубины реки Ворьи. Речка эта далекая. Добираясь до нее, не один раз попьешь чайку — так говорят в Няксимволе.

Мы выплыли из села на двух лодках. В одной — я с Валерием, в другой — местный моторист Борис Шалагинов с нашим художником. Громкий дуэт «Ветерков-12» разносился по реке, нарушая таежную тишину берегов.

Шестьдесят пять километров вниз по Северной Сосьве проскочили незаметно. Вскоре были возле устья Тапсуя, который уведет нас в свои глубины. Тапсуй в летнее время не блещет красотой: болотистые кустарниковые берега и скопище гнуса в воздухе. Но осенью река преобразуется. Лес разукрашен золотом берез и кумачом осин и черемух. Приятная прохлада. Ни комарика, ни мошки.

Длинные плесы с мощным сухостоем приводят нас к первому мансийскому жилью на Тапсуе — Тапсватпаулю. Крохотная избенка, два лабаза на длинных сваях, рядом постоянное кострище с навесом для сушки мяса и копчения рыбы — вот и все неприхотливое хозяйство. Здесь постоянно живет мой давний знакомый манси — Устин Анемгуров с женой.

Изба Устина оказалась закрытой: дверь заколочена доской и заставлена металлическим стиральным корытом. Следовало понимать, что хозяина нет дома, посторонним делать нечего. Но здесь намечена наша зимняя база. Мы поставили палатку в стороне от избы.

Охотник-манси Анемгуров Николай Васильевич с Ворьи.

Фото М. Заплатина.

Рано утром на реке взревел лодочный мотор. Шум двигателя приблизился к нашему стану. Прошуршала дном лодка, уткнувшаяся в берег. С визгом выпрыгнули из нее собаки. Послышался мансийский окрик женщины на псов: «Пырья!». Что-то проговорил мужчина. По голосам я узнал Устина и жену его Акулину.

Мы дружно вылезли из спальных мешков, чтобы оказать внимание прибывшему хозяину.

— Пася, пася, рума, — сказал, приветствуя, Устин. — Я так и подумал, ты приехал.

В избе уже суетилась Акулина. Гудела растопленная железная печурка. На ней подогревался чайник. Хозяин желал с дороги погреться, приглашал и нас разделить с ним утреннюю трапезу.

Собаки охотника сбежались к жилью, заглядывали в раскрытую дверь. Их три. Устин одну назвал Сэмлай, другую — Ворсик, третью — Хулах. Любимицей, по-видимому, была сучка Сэмлай. Ласково разговаривая с ней, Устин показывал на меня:

— Сэмлай, смотри: это Заплатин-ойка, опять пришел к нам...

Я с интересом присматривался к своим старым знакомым. Акулина все та же маленькая, суетливая молодая женщина. Круглолицая, с постоянной улыбкой, звонким голосом. Бездетность сохранила в ней признаки, свойственные девушке.

Хозяин тоже невысок ростом. Худощавый, подвижный, с фигурой натренированного в походах юноши. Постоянная охотничья жизнь сделала из него спортсмена наилегчайшего веса.

В Няксимволе Устина зовут «Тапсват-ойка» — мужчина, живущий на берегу Тапсуя. А название избы Тапсватпауль в дословном переводе определяет ее местонахождение — жилье на берегу Тапсуя. Его никто не проплывает мимо. Так уж здесь заведено: лодки причаливают, хозяин непременно кормит и поит чаем путников. Много раз и я пил чай в этой крохотной избушке.

За чаепитием мы стали договариваться с Устином о наших съемках, совместных маршрутах по тайге и о многом другом. Со всеми просьбами охотник соглашался и обещал содействие. Но он был смущен тем, что мы будем снимать его с Акулиной.

— Мне ведь план по пушнине надо выполнять, а вы, наверно, помешаете?

Мы заверили, что отрывать его от охоты не будем.

Нам следует надолго поселиться в береговой избушке Устина. Здесь встретим ледостав на реке, первые заморозки и проведем много зимних дней. В декабре за нами придут олени с нартами.

А пока наши мысли о скорейшем походе на реку Ворью.

* * *

Ворья — очаровательная сестренка у болотистого и неприглядного Тапсуя. По берегам ее стоят крепыши-кедры в несколько обхватов. То курчавые, то уродливые, со сломанными вершинами и толстыми сучьями, раскинутыми вширь. А по соседству, в резком контрасте с ними — высокие стройные ели с острыми вершинами.

Кое-где стволы деревьев исчерчены затесами, на них таинственные знаки-катпосы. Среди меток я узнаю частый знак своего знакомого охотника — Николая Васильевича Анемгурова. Старик обозначал каждую свою стоянку на местах охоты и рыбалки.

Через час мы оказались на длинном, медленно поворачивающемся плесе. Проплыли небольшой каменистый пережат. Река метнулась влево, потом вправо, и вдаль, как маяк, показалась приметная курчавая сосна на берегу, за ней — две избы. От шума наших моторов к сосне вышли двое.

— Пашка с Николаем первым!¹ — крикнул Борис.

Да, они. Старик с сыном. По головам узнать можно издали: у одного белая, седая, у другого — как смоль, черная.

Лодки ткнулись в берег. Моторы заглохли. Старик показывает на меня пальцем — на лице его удивление и улыбка.

— Пася, пася! — летят к нам с берега приветствия.

Старик что-то сказал сыну. Тот поспешно пошел в избу, вернулся с чайником, почерпнул им в реке воду, понес к костру, под сосной.

Николай Васильевич здоровается со мной первым, жмет руку:

— Пася, пася, мансингойка!² — рассматривает меня и добавляет: — Поседел маленько. А все бродишь тут у нас. Опять за глухарями, наверно, приехал?

Я улыбаюсь в ответ: веселит забавное прозвище, которым наделил меня старик.

Отец и сын живут вдвоем в самом далеком лесном поселении. Охотничают, рыбачат, собирают бруснику и клюкву. У них несколько

¹ Это прозвище старика Николая Васильевича Анемгурова. Дело в том, что в северососьвинском поселке Нёрохи есть тоже Анемгуров Николай Васильевич, но моложе. Манси для различия двух однофамильцев прозвали старшего «Николаем первым», а младшего — «Николаем вторым».

² Мансингойка — глухаринный мужик (манс.)

лодочных моторов, радиоприемник, мотопила «Дружба». От мира они не оторваны.

Я очень дорожу знакомством со стариком. К нему у меня особое отношение. С ним проводили ночи в лесу, подолгу просиживали у костра и любовались прелестью белых весенних ночей. Встречали таинственные рассветы в тайге. Старик рассказывал мне занимательные истории из мансийской старины, раскрывал многие лесные тайны.

И самое яркое воспоминание — как мы провели с ним ночь на тетеревином току перед крыльцом дома в заброшенном поселке Ворьяпауль. Это тогда сказал он мне:

— Поверишь, ли, тут у нас недалеко, в старом поселке, тетерева устроили ток прямо перед избой!

Я сразу же предложил отправиться на съемку.

— Не торопись, — остановил меня старик, — к вечеру соберемся и поплывем. В той избе и заночуем...

Перед закатом мы были в заброшенном Ворьяпауле. К одному из домов, у которого уцелела часть изгороди оленьего загона, и подвел меня Николай Васильевич.

— Тут они и пляшут, — показал он на утрамбованную землю в самом центре загона.

Развесили палатку в дверях дома так, чтобы она, как штора, закрывала вход. Окно палатки послужило отверстием, в которое был выставлен объектив кинокамеры, стоящей в сенцах. Под ножками штатива разложили спальные мешки.

Белая ночь севера нарушала такие понятия, как вечер, ночь, раннее утро. Темноты не наступало. Оставшись вдвоем, мы сидели на крылечке и предавались разговорам, Анемгуров рассказывал:

— Ятри тут шибко давно токуют. Я еще мальчишкой жил в этой избе. Мы с братом по утрам камнями в них кидали: нам спать охота, а они тут орут рядом...

Мне было трудно представить, что здесь, прямо перед крыльцом, на котором сидим мы, слетаются тетерева для токования.

Старик продолжал:

— Еще покойный отец рассказывал мне: он помнил, когда здесь большой бор стоял. Домов еще не было, а косачи токовали.

— Значит, на месте тока и поставили избу? — догадывался я.

— Видно, осенью или зимой ставили. А весной ятри прилетали и по старой памяти стали плясать в загоне. С тех пор и танцуют.

Тетеревиный крик прервал нашу беседу. Анемгуров порывисто, как юноша, вскочил:

— Надо прятаться! Один пришел...

Мы скрылись в сенях за палаткой. Сквозь щели в стене приготовились следить, что будет дальше.

Вскоре крик косача раздался прямо над домом. И следом за этим на поляну перед крыльцом с шипеньем опустился тетерев. Толстые валики красных надутых бровей украшали его голову. И особую прелесть наряда составлял лирообразный черный хвост с букетом белых перьев.

Я прильнул к окуляру аппарата. Через объектив было видно, что тетерев, наклонив к земле голову, бормоча, совершал странное движение по кругу. Не сразу удалось заметить серенькую тетерку, вокруг которой пернатый кавалер устраивал карусель. Она неподвижно сидела в центре тока и казалось, сама была удивлена поведением косача — следила за его движениями.

Я посмотрел на Николая Васильевича, наблюдавшего в щель.

Он заметил мой взгляд, улыбнулся. Снова припал к щели. Но опять повернулся ко мне и прошептал:

— Ты зайца видел?

— Нет.

— Он через поляну пробежал.

Не успел я приладиться к окуляру глазом, снова раздался шепот старика:

— Ишо один заяц.

Совершавший круги тетерев вдруг бросился куда-то в сторону. Панорамирую за ним аппаратом. Косач остановился, и я увидел сидящего перед ним зайца. Косой поводит ушами и с удивлением смотрел на птицу, трясущую головой и что-то бормочащую.

Сцена была комичная. Я улыбался и под стрекот камеры слышал шепот Анемгурова:

— Прогоняет...

Заяц сидел перед тетеревом без всякой боязни. И, казалось, готов был стукнуть косача лапой по голове. Через минуту косой неторопливо ускакал в лес.

После рассвета, когда опустела поляна, мы ушли со стариком в его Маньсяркынгсуйпауль. Забавные ночные сцены перед мансийской избой на всю жизнь остались в моей памяти. А с Николаем первым после этого мы подружились надолго. Он всегда был рад моему приезду.

Тогда он уговаривал меня:

— Ты давай ишо приезжай к нам, если тебе здесь нравится. Свезем тебя к самому истоку Ворья. Там красота! Ты такой не видывал!

И вот теперь мы снова в его избе. И собираемся в верховья Ворья. Анемгуров объяснил нам, как удобнее пробираться вверх по реке. Рассказывал, где по пути опасные места с подводными корягами, где завалы.

— Далеко не уплывете. Снег пойдет скоро. Уже гуси летят с севера...

Такие приметы он знает с детства. Появлением перелетных птиц и объясняется то, что мы застали его с сыном дома: почуял старый, что зима не за горами, осел в жилье.

— Если к тайменной яме на устье Маньинквора доберетесь — это хорошо будет. Увидите — песок на берегу сапогами вытопан. Это мы с Пашкой рыбачили на днях.

И мы решаем, что завтра же надо отправляться в дорогу.

Река Ворья удивила нас своей новой живописностью. Боры выходили к реке и обрывались к воде нильтанами — высокими отвесными берегами. Бесконечно тянулись лесные коридоры, позолоченные осенней листвой берез.

Привлек нас куполовидный бугор на берегу слева по ходу. На нем мы нашли сплошные ковры брусничника. А где осенью много брусники, там и медведь — частый гость. Мишка оставил после себя «визитные карточки» в виде кучек переваренного брусничного «джема». Зверь не забыл при этом разворотить и слопцы, поставленные здесь, очевидно, стариком Анемгуровым. Не оставил лежавшего под одним из них глухаря — съел его. От птицы остались только перышки.

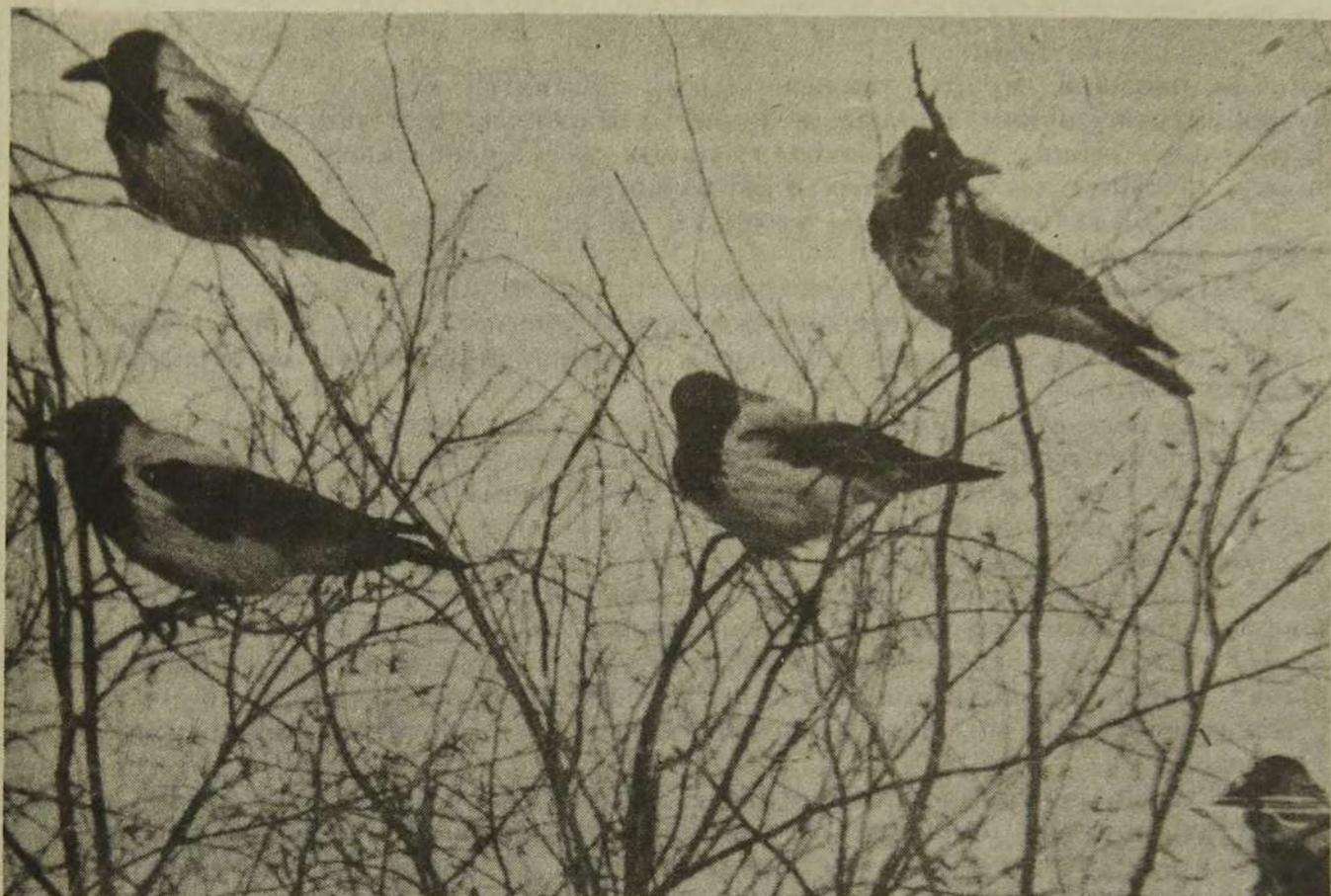
— Недавно он тут был, — сказал Борис, внимательно рассматривая звериный помет.

Мы рвали сочные гроздья крупной черноплодной брусники и с опаской оглядывались.

— Ружьишко, пожалуй, надо, — решил художник Толя и пошел к лодке за двустволкой.

(Окончание в следующем номере)

СЕРАЯ ВОРОНА

В июльские белые ночи далеко слышны звуки природы. Громкие каркающие голоса, прозвучавшие за стеной амбара, где мы спали с Гришей, разбудили меня. Я испуганно спросил:

— Кто это так громко кричит!

— Не бойся, это ворона воронят кормит, — ответил Гриша.

Я заглянул в щель — на берегу омута увидел каких-то темных птиц размером с курицу. Их было четыре, три шагали по сухому месту, четвертая — по колено в воде, погружая клюв в мелководье. Вот она подняла голову и сжала в клюве какой-то кусочек. Птицы, что ходили рядом, заволновались, начали трясти крыльями, раскрывать клювы и громко каркать. Нашедшая корм ворона сразу сунула его самому ближайшему птенцу, но тот продолжал недовольно каркать. Не обращая внимания на крики остальных, родительница снова занялась поиском корма. В этот раз она заметила что-то лакомое далеко от берега, где вода доходила ей до груди. Тогда она взлетела и, часто махая крыльями, порой задевая ими воду, опустил как можно ниже голову, все-таки схватила добычу. Очередной птенец получил свою долю и так же, как первый, глотая, недовольно каркал.

Так я познакомился с семьей серых ворон, прилетевших на утренний завтрак. Многие знают этих не ярких по окраске птиц, которые чаще других перед глазами и в пойме, и в тайге, и в деревне. На Севере они появляются в начале апреля, когда освобождаются от снега первые узкие проталины по берегам проток или на буграх открытых полей. Услышав не отличающееся особой мелодичностью знакомое «кар-кар», тем

не менее радуешься: все-таки первая перелетная птица появилась — значит, тепло идет, зима отступает.

Первые дни после прилета вороны ведут себя важно: что ни говори, «иностранные» в наших краях гости. Они неспеша ходят по темным проталинкам, пробуют их клювами, как бы удостоверяться, что те настоящие.

Если весна относительно теплая, основная масса серых ворон, следуя через южные поселки, пролетает незаметно, если холодная — происходят задержки, вороны скапливаются вокруг человеческих поселений. Чем дальше апрельский отзимок, тем больше ворон собирается на свалках. У города Ханты-Мансийска такие скопления порой насчитывают несколько сот особей и целые дни то взлетают тучей, становясь помехой для взлетающих самолетов, то рассаживаются обратно, когда опасность на земле минует.

При длительных отзимках со снегом закрываются проталины и кучи отбросов — вороны голодают, становятся смелей и залетают в города и села. Можно прямо из окна дома рассмотреть первых санитаров и познакомиться с их повадками.

Внешность вороны по птичьим меркам самая заурядная: никаких «воротничков», хохолок, «вырезов» на хвосте или, наоборот, длинных перьев. Такая же скромность и в окраске: спина, надхвостье, грудь и брюхо — серые, хвост, крылья, голова и «галстук» на шее — черные.

Вороны осматривают все, что лежит на земле, особенно внимательно — кучи смерзшихся отбросов, проявляя зависть и нетерпимость к тем воронам, которые первыми находят лакомые кусочки. Совсем иное поведение у голодных ворон, когда они увидят лакомый кусочек у собаки. Они вначале внимательно наблюдают, усевшись на заборы или крышу, видимо, «оценивают» умственные способности собаки. Потом одна за другой подлетают к ней, рассаживаются возле головы и хвоста, осторожно приближаются. Собака начинает волноваться и вертеть головой. Старая, опытная, схватив кусок, убегает в укрытие, молодая оглядывается, лает. Вороны тем временем подходят ближе, делают провокационные движения, как бы собираясь клюнуть. Собачье сердце такого обращения не выдерживает, она делает разворот к нахалкам, тем временем вороны, что сидели у головы, хватают оставленный на мгновение лакомый кусочек и — в небо.

Бывает, что на мусорной свалке остатков пищи оказывается много. Вороны наедаются, а излишнее начинают растаскивать и прятать обычно в снег возле кустов или пучков старой травы, при этом поглядывают, чтобы другие не заметили. Сытые, любят погреться, усевшись всей стаей на дерево. Повернувшись к солнцу и распушившись, дремлют, чутко прислушиваясь к звукам. При малейших признаках опасности все взлетают, поднимая недовольное карканье. В тех местах, где стаи часто взлетают и садятся, вершины деревьев лишаются веток и хвои, приобретают угнетенный вид.

Так проходит воронья жизнь первые дни после прилета. В середине апреля теплеет и пролетные устремляются дальше на Север — к своим гнездовым урочищам, которые могут представлять собой и опушку тайги, и маленькую рощицу среди открытой поймы. Здесь пары молодых ворон (второго года рождения) устраивают воздушные игры, старые приступают к строительству гнезд.

В постройке гнезда участвуют самец и самка, имеющие документ «Об окончании природного архитектурного университета». Первым создается основа — фундамент из крепких сухих веток, которые отламываются на вершинах деревьев. Эти ветки порой бывают толще карандаша. Когда фундамент готов, приносятся более тонкие корешки и луб сосны или ивы (мочало). Все переплетается, затем промазывается глиной — образуется круглая корзинка-лоток. Он выстилается также тонкими корешками в смеси с обрывками бумаги, клочками шерсти и тряпок — через 10—15 дней гнездо готово. С этого дня его черные шапкообразные контуры в развилке какой-либо

березы придают ей новый вид, и так как постройки бывают прочные, то он будет сохраняться несколько лет. Некоторые гнезда порой бывают построены так удачно, что, сохраняясь несколько лет, становятся своеобразным указателем на многочисленных речных протоках.

Когда в гнездо отложено первое яйцо, самец строительную профессию меняет на сторожевую. Большую часть дня он проводит на вершинах деревьев поблизости. Если заметит человека, то, предупредив самку особым сигналом, об опасности, летит навстречу, кружит над головой, каркая и наблюдая. Если человек приближается к гнезду, самец криком призывает самку слететь с гнезда, не показывая его расположения.

Вороны принадлежат к всеядным птицам. Однако, в мае с момента насиживания кладок, когда еще прохладно и животной пищи мало, переходят на разбой — разоряют гнезда у своих же соплеменников и других больших и мелких птиц. В первой декаде июня большинство птиц, в том числе и утиные, приступают к насиживанию кладок. С этого времени на просторных поймах Иртыша и Оби, в рощах, где гнездятся вороны, на земле постоянно встречаются скорлупки яиц. Местами их бывает так много, что невольно хочется уничтожить серых разбойниц.

Когда в июне открывается любительский лов рыбы, многие рыбаки на моторках устремляются по протокам к заветным озерам и сорам. Прибыв на место, часто без особой необходимости да еще с собаками начинают ходить по травянистым верховьям и лесистым гривам, где в эту пору на гнездах сидят утки, а некоторые рыбаки еще и поджигают старую траву. Если человек спугнул утку с гнезда, ворона тут как тут, растаскивает кладку. Если человеком пущен пал, ждут, когда обгорят утиные гнезда. Так и разбойничают ворона с рыбаком на пару...

При самостоятельных разбойных действиях вороны ежедневно по несколько раз облетают берега озер, где гнездятся чайки, поганки, утки, живут чибисы, мородунки; пойменные рощи, где по деревьям размещаются гнезда других мелких и крупных птиц, и выжидают, когда не будет хозяев, а то и сами сгоняют их с гнезд. Так они поступают с красношеими поганками или мелкими куликами. Против дружных чибисов и дроздов часто действуют в паре. Дрозды-рябинники, увидев разбойницу, с яростью бросаются на нее, а некоторые молодые самочки даже покидают гнезда, чем пользуется другая ворона, подлетающая скрытно.

В конце июня или в начале июля подросшие птенцы вороны покидают гнезда и, не умея еще летать, часто падают на землю. Заботливые родители не бросают их и также, как оставшихся в гнезде, продолжают кормить. Пищи теперь много, воронята крепнут, тренируют крылья. Проходит еще три-четыре дня, и они совершают первые самостоятельные короткие перелеты. С этого момента самки покидают гнездовые рощи, перебираются ближе к кормовым местам, обычно на берега рек, озер, соров. Здесь родители еще несколько дней дают последние уроки по добыванию пищи и с середины июля покидают птенцов, приступают к линьке. Взрослые птицы поодиночке перебираются в более тихие рощи и меняют свою профессию «разбойников» на более мирную — «предсказателей погоды». Существует примета: если ворона сидит на сухой вершине дерева да еще сдавленно каркает — ожидай дождей, если молча перебирает свои черные перья в зелени ветвей — дождя не будет.

В августе окрепшие воронята по несколько выводков соединяются в общие стаи, которые кочуют по кормовым местам, а, насытившись, устраивают в ветренные дни воздушные предбрачные игры, на которых самцы выбирают будущих подруг.

В последние годы в связи с ростом крупных городов на Севере в вороньей жизни произошли изменения. Если раньше вороны селились за городом, то теперь гнездуются и выводят птенцов и в городе.

Фото автора.

Фото Ю. Трифонова

